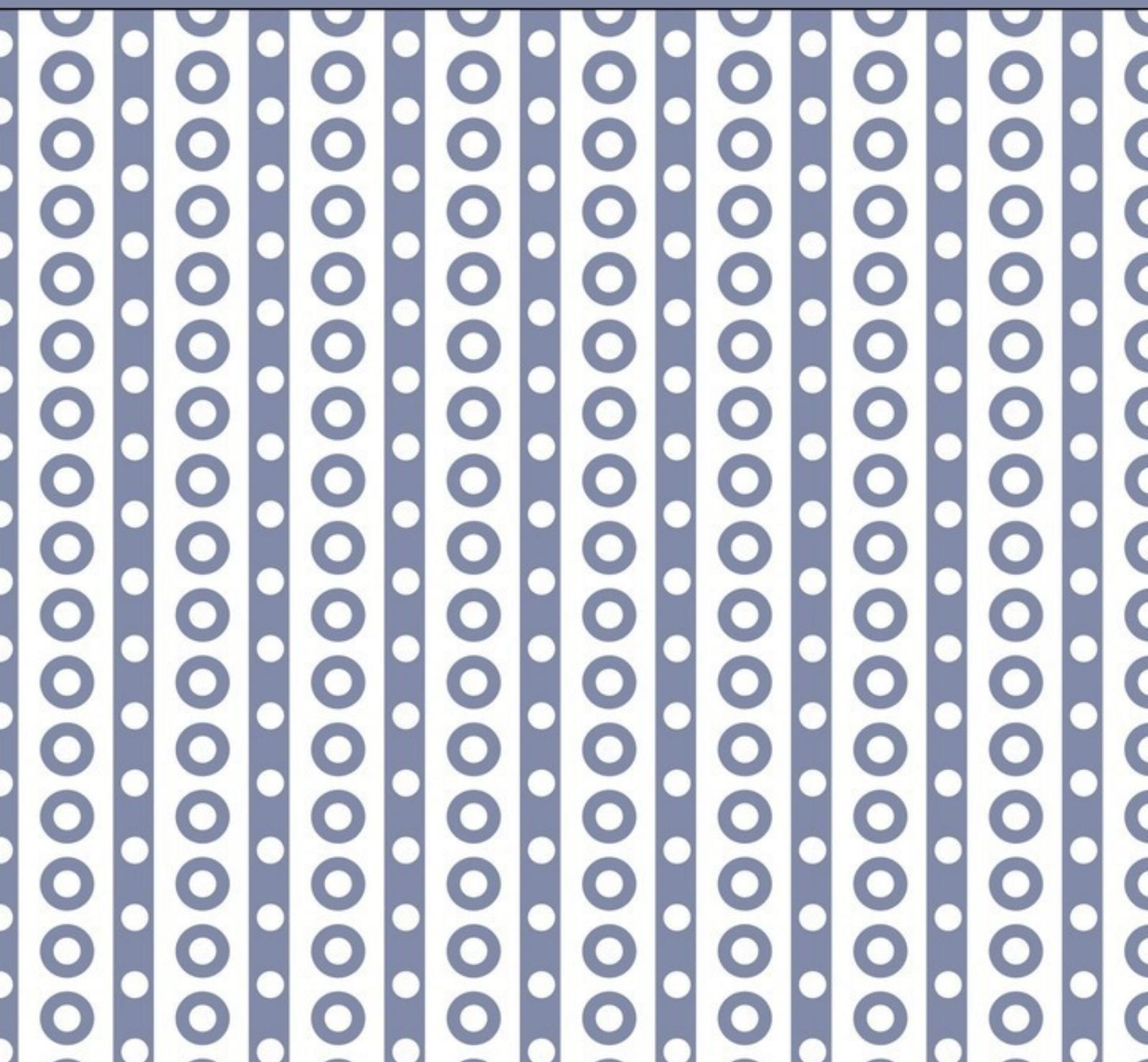

Геннадий Каплун

СОБАЧЬИ ДНИ

Геннадий Каплун

Собачьи дни

«Издательские решения»

Каплун Г.

Собачьи дни / Г. Каплун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851386-2

В этом странном провинциальном городке под названием Каинск разворачиваются события, предсказанные Нострадамусом. Армиллий Штерн, вернувшийся в родной город из Земли Обетованной, подчиняет своей воле каждого, кто встречается на его пути. Носитель древних знаний Икар утверждает, что Армиллий является Злом. Остановить его может только бешеная собака и то лишь в так называемые «собачьи дни».

ISBN 978-5-44-851386-2

© Каплун Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Избранный город	6
Глава 2. Хозяин	26
Глава 3. Предложение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Собачьи дни

Геннадий Каплун

© Геннадий Каплун, 2017

ISBN 978-5-4485-1386-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Избранный город

(21 карта старшего Аркана Таро – Мир)

*Не в совокупности ищи единства, но более —
в единообразии разделения.*

Козьма Прутков

*В коллективном организме каждая клеточка
стремится стать коллективным организмом,
что неизменно ведёт к образованию раковой
опухоли.*

Некозьма Прутков

Я брёл по зевающему городу, засыпанному пергаментом листьев, напоминающих листовки времён лихолетий. В пряно-прелом воздухе витал сезонный призыв к вооружённой или, на худой конец, политической борьбе. Казалось, нарушающий трудовое законодательство дождь, барабанивший уже часов двенадцать и загнавший под крышу знакомую голодную стайку голубей, намеревался уничтожить содержание агитационной литературы типа красноармейского призыва с нескрываемой угрозой: «Ты записался добровольцем?» или слащавого белогвардейского, пощипывающего совесть, воззвания: «Отчего Вы не в армии?».

В итоге панибратское «ты» загнало под свои знамёна массу масс и одолело неудивительно-немногочисленное осторожное «Вы» на поле брани. Да, кто-то, безусловно, демонически талантливый внёс в эту БЕСмысленную бойню свою кровавую лепту одной лаконичной фразой.

По прячущимся под чопорными и буйноцветными зонтами огрызкам лиц прохожих было видно, что они не разделяют моего приподнятого настроения, проиграв своё сражение за положительные эмоции обычной сезонной хандре. Ни одни губы не выдавили из себя даже подобие улыбки. О глазах, врать не буду, ничего сказать не могу. Их, как я уже отметил, «съели» зонты.

В противовес ущербности душевного состояния прохожих неожиданно где-то неподалёку истошно-радостно залаяли собаки. Странно, ведь белую краюху Луны ещё рано утром слопали голодные барашки облаков, превратившись в тяжёлые тучи, которые, цепляясь за многоэтажки, шпиль обелиска Победы и памятник вождю мирового пролетариата, вспарывали себе брюхо по примеру самураев и разрождались порывами дождя как приступами мигрени.

«Интересно, к чертям собачьим или всё-таки подальше послали бы эти упрямо спешащие к уюту домашнего очага люди, если бы им предложили стать добровольцами и принять участие в очередной революции? – мелькнуло у меня в голове при виде побеждённых сопливой осенью пешеходов и развилось в следующее умозаключение: – А может за хороший паёк и возможность БЕСплатно пострелять не в тире желающие всё-таки нашлись бы?»

Теперь и мне стало грустно, поскольку я вынужден был согласиться с мнением подсознания, что вопрос этот чисто риторический...

Листовки! Сколько вы попили крови! Сколько разрушили судеб! А ведь большинство агиток не сгорело. Напротив, было использовано и не по назначению... Нет, не обязательно так... Ведь была ещё нужда и в самокрутках, и в импровизированных скатертях, и в обёрточных материалах. Вся эта последующая БЕСпорядочная факультативная жизнь листовок подсознательно вызывала непочтительность к очередной бредовой идее, посмевшей запятнать

девственную чистоту бумаги. И она жаждала сгореть или в худшем случае истлеть, лишь бы избавиться от позора написанного.

Такая же судьба рано или поздно ждёт любую глупость, пошлость или пустяки. Всё это настоящее оскорбление для листовки бумаги, в подавляющем большинстве случаев напрасно алчущих гениальности строк.

И только рукописи, являясь в идеале чистилищами духа, неподсудны до тех пор, пока они не выйдут в тираж, чтобы превратиться в прах или слиться с Логосом, обретя бессмертие.

Листки бумаги, которые мне передал странный посетитель, как и обречённые на забвение листовки, тоже взывали к битве, но только в данном случае к сражению вечному как Мир. Тьме и Свету предначертана бесконечна борьба. Победа в ней означала бы вселенскую смерть. Отдельные битвы не в счёт, но именно успех в каждой из них устанавливает принципы следующей эры правления. Самое страшное в этой борьбе – перемирие, цена которому серость и прозябание...

– И как же зовут автора потенциального бестселлера? – с нескрываемой иронией полюбопытствовал я, когда вошедший, не представившись, сходу выдал предложение, облачённое в категорическую форму требования, опубликовать его замечательное произведение в моём издательстве.

В ходе дальнейшего диалога я подстроился к панибратскому обращению и тону собеседника. Я решил посоревноваться с образной манерой ведения разговора визитёром, сыпавшим прибаутками, пословицами и поговорками, словно поздняя осень за окном листьями.

Вошедший отряхнул крошки дождя.

– Меня не звали – я сам пришёл, ложки-матрёшки, – отшутился посетитель, нервно пульсируя кулаком правой руки, в котором были зажаты свёрнутые в плотную трубочку листки бумаги. Затем он поднял их вверх в запатентованном статуей Свободы жесте и с энтузиазмом киношного председателя колхоза заявил: – А потенция у романа – ого-го! Та ещё потенция.

Я поймал себя на мысли, что в таком положении и виде неопубликованный «свиток» похож на лингам, который, как я читал, в ранних индуистских храмах являлся изображением самого Шивы. Я не сдержался и улыбнулся. Посетитель явно не ассоциировался с адептом культа освободителя душ от оков Майи. Об этом кричал до хрипоты абсурдный, нахлобученный парик из конского волоса, а ля «Битлс». В тон нелепости далеко не произведения парикмахерского искусства пищали щетинистые усы и борода Деда Мороза в молодости, вопили огромные, в зелёной оправе, пластмассовые солнцезащитные очки, сдавившие горбинку массивного «хобота». Его нос, а главное голос... Надломленный голос визитёра мне показался знакомым.

– Пришёл – молодец. Как говорится, приходите в гости обглаживать кости, а за потенцию романа глаголет его цена, тираж и скорость улечивания с книжных полок, – в унисон сказанному, улыбнувшись, скороговоркой произнёс я и полюбопытствовал: – Я тебя знаю?

– Не важно, – уклончиво ответил посетитель. – Если руки золотые, то неважно откуда они растут.

– Не важно, когда на экваторе влажно. И ещё запомни: золотые руки из... таза не растут, – поддержал я дух разговора, настаивая с ответом: – И всё же, как тебя величать, кудесник пера?

– А как ты догадался? – удивился собеседник, почесав выразительный нос, и смешно чихнул.

– Не понял? – в свою очередь удивился я.

– Да чего ж тут понимать: меня величают Перро, ложки-матрёшки.

– Не уже ли?

– В самом деле...

– Ладно, Перро так Перро...

Посетитель снова, на этот раз гораздо звонче, чихнул, взлохматив искусственную растительность на голове и лице.

– Будь здоров, Перро. Лишь бы не Шарль. На сегодня с меня хватит бездарных сказочек местных авторов, – согласился я и выдал экспромт: – Но если так себя назвал, думаешь французом стал?

– Стихи, достойные Артюра Рембо... Хотя не я так нарёк себя.

– А кто, если не секрет?

– Кто-то... Суслик в манто... Будь ему неладно, – в словах Перро, произнесённых медленно, с запинанием, прозвучали нотки злобы, ненависти и презрения, которые, слившись воедино, заставили голос треснуть словно ветку под ногой неопытного охотника.

– Хороший, видать, человек...

– Всякий при своём болоте хорош. Не видать бы его вовек, – презрение в голосе собеседника пересилило злобу и ненависть.

– Что так?

– Да так. Отдыхал я у этого некрупного грызуна семейства беличьих в одном... санатории.

– И?

– Он был удивительно гостеприимен и ни за что не хотел меня отпускать.

– Но ты всё-таки ушёл от него?

– Я и от тебя уйду, когда прочтёшь роман.

– Читать прямо сейчас?

– А что мешает, ложки-матрешки?

А и то правда. Моё семейство отдыхало за городом, а я собирался приехать к родным только завтра утром. Коротать вечер лучше всего за хорошей книгой или с приятелями. У меня был выбор. Я склонялся к тому, чтобы провести время в тёплой дружественной компании с горячительными напитками... Хотя, если подумать, утром рано вставать, головная боль, похмелье... Оставалось бросить жребий, что я и сделал. В итоге Рубикон перейдён.

– Ладно, принимается, прочту. Надеюсь, не пожалею, что ты сбежал от «суслика».

– Он был высокого мнения о моём творчестве, впрочем, как и его хозяин, – слово «хозяин» Перро произнёс так, словно раздавил жирного таракана.

– Ты имеешь в виду...

– Именно его я и имею в виду и... имел, – сквозь зубы, как через китовый ус планктон, процедил слова собеседник.

– Фу!

– Имел в виду в романе, – скривившись, соизволил продолжить фразу Перро, нивелировав пошловатый смысл.

– Интересно...

– Надеюсь, читать будет не пресно, – высказался собеседник в своём репертуаре.

– И к какому же виду романа ты относишь написанное?

– Собачий роман, – не задумываясь, ответил Перро.

– Звучит, но такого понятия не существует.

– Всё когда-то не существовало. К тому же автору видней, – назидательно произнёс Перро и безжалостно почесал за ухом.

– Если он зрит в корень.

– Зрю.

– Посмотрим.

– Здесь написана правда, ложки-матрешки, – Перро снова перевоплотился в статую Свободы.

– И только правда... – продолжил я. – Но правда глаза колет...

– На то она и правда...

– Причём у каждого своя, – я решил подвести черту разговору. – Куришь?

– Курю.

– Тогда дыми, – я придвинул пепельницу поближе к писателю, – а я посмотрю, как Перро отточил своё перо.

– Только помни: не на пользу книги читать, коли только вершки в них хватать, – посетитель уже конкретно начинал напрягать.

– Знаешь, что, волосатый знаток народной мудрости, пыхти... Пыхти и не пускай пузыри... Как говорят китайцы, не дави на брови и ресницы. Понравится глава – прочту всё, нет – уйдёшь ни с чем. Вернее, с чем пришёл.

Я прочёл всё – от корки до корки. Понравилось ли мне написанное? Да, особенно если бы это было моё произведение. Перо у Перро оказалось отточенным. Но публиковать чужое... Чужое – в конец километровой очереди времён периода застоя.

Почему же тогда я решил вручить пальму первенства этому роману, не обращая внимание на «шедевры», ждущие своего выхода в утиль... простите, тираж? Всё просто. Автор попросил меня выдать своё сочинение за моё.

– ... С какой целью? – без фальши поинтересовался я.

– Я спустил собак. Дальше уже не моё дело, – пробубнил Перро, безжалостно приговорив три пачки сигарет, пока я читал роман. – Да и мысли не мои. Теперь я ишу свои...

Когда визитёр вышел из кабинета, меня как магнитом притянуло к окну. Вход в издательство ярким светом поливал декоративный фонарь. Я увидел, как Перро подошёл к стоящему возле входа в издательство рослому старику в чёрном клобуке и котомкой за спиной. Мне пришло на ум, что уж очень он похож на Гриба из прочитанного романа. На фоне его бело-снежной окладистой бороды искусственная растительность Перро выглядела словно облезлый хвост помоечного кота. Рядом со стариком ревился крупный пёс, но... без каких-либо белых пятен вокруг глаз.

Неожиданно из-за деревьев показалась фигура спортивного телосложения среднего роста и направилась к бородачу. Навстречу юноше, весело виляя хвостом, подбежал друг человека, которого тот потрепал за холку.

Фигура с горделивой осанкой подняла голову, на которую упал свет, отчеканив благородный нос с горбинкой и высокий лоб античного мыслителя.

– Икар, – сорвалось с губ имя как податливый осенний лист.

Молодой человек неожиданно приветственно помахал мне рукой, словно мог видеть густеющим вечером сквозь оконное стекло.

Компания постояла под фонарём минуту и направилась в загородную осень, не оставляя следов, а я снова сел за стол, на котором лежала рукопись, которую твёрдо решил предать огласке.

Это уже потом, после выхода в свет первого издания книги, в моё каинское издательство стали приходить письма со всех концов необъятной когда-то родины, разорванной на составляющие ветром перемен.

По словам читателей, колоритную тройцу видели в Одессе на «Привоze» в рыбном ряду. Там между Икаром и тучной торговкой, якобы, состоялся следующий диалог.

– Креветки! Живые креветки! – соревнуясь с оперным сопрано, орала труженица... Нет, пожалуй, жрица... культа «Привоза».

Полупрозрачные рачки всю прыгали по прилавку, ожидая, когда их окунут в подсолённую, горячую воду. Вывеска на лицевой стороне прилавка гласила: «Черноморская эротическая креветка. Гибкая система скидок. Сказочное удовольствие».

– Три стакана эротики, – заказал молодой человек, – из самых прыгучих рачков.

– А таки в чём смысл?

– Если верить вывеске, в более активном сексе.
– Такой молодой и симпатичный и уже на тебе...
– Вот видишь, а ты всё плачешься, что стар, – обратился к собаке юноша, потрепав животное за ухом...

В Петербурге на Сенатской площади возле Медного всадника Икар, говорят, агитировал восстановить в России монархию, ссылаясь на авторитетное мнение Платона, что это одна из лучших форм государственного устройства. Ему поддакивал колоритный старик и подгавкивал большущий пёс.

А в Москве Икар, будто бы, призывал восстановить историческую справедливость и переименовать российскую столицу в Долгоручинск, тем более, что у этого города всегда были длинные руки, а с этимологией слова «москва» не всё ясно...

Ладно, пожалуй, пора переходить к тексту рукописи...

Что такое город? Это, прежде всего, удивительный продукт цивилизации, напоминающий одновременно бешеный улей, слаженный муравейник и колонию коралловых полипов, после смерти которых, из множества скелетов, образуется риф. Об этот риф рано или поздно разбиваются судьбы, словно, солидные и не очень, суда, и судёнышки. Удержаться на плаву на протяжении всего плавания по океану Жизни, по жизни, удаётся не многим... А ведь правда, есть что-то надёжное в тавтологии? Недаром одной из самых убедительно-побудительных русских пословиц стала фраза: «Повторение – мать учения».

В городе, как и в улье, и в муравейнике, тоже есть свои неутомные труженики и неутомимые трутни. Правда, и те, и другие постоянно мутируют и даже скрещиваются, рождая новые причудливые генетические формы. Веянием сегодняшнего дня стали депрессивные трудоголики и дешёвая имитация настоящих обломовых, которые в своё время с барским шиком превращали апатию в своеобразный образ жизни. Их вытеснила другая категория прожигателей Жизни. На её арену вышла... Нет, скорее выползла из Эдема змея по имени Игромания, жалящая гремучей смесью передёрнутого трудоголизма и облезлой обломовщины.

– Поиграем ещё, – далеко за полночь искушает Игромания Адама с красными как у кролика глазами, забывшего о существовании Евы. – Ещё один уровень.

– Ты скоро, а то ещё немного и любви не проси! – угрожающе-обиженно напомнит о себе Ева, зная наверняка, что её реальные прелести не способны вытащить мужа из виртуального болота.

– Да, да! Я скоро! – на автопилоте, в очередной раз за день пообещает Адам и нажмёт кнопку «game».

– Никуда она не денется, – заверит змея. – Подождёт...

В любом более-менее крупном населённом пункте каждый день что-то строится, накапливается и разрушается, рождается, суетится, умирает, но, главное, в любом городе есть свой неповторимый, хотя и во многом схожий, коллективный дух его жителей с их, в основном, броуновскими порывами. Горожан с целеустремлёнными намерениями в любом городе ненамного больше популяции амурских тигров в пересчёте на сто тысяч жителей. Именно поэтому судьбы городов во многом схожи.

Но в этом странном населённом пункте групповой инстинкт был особенным, представляя собой гоголь-моголь святости и греховности, мудрости и глупости, благородства и низости в тех метафизических пропорциях, которые делали его поистине уникальным. Из эдакого противоречивого замеса, бесспорно, можно было бы с успехом вылепить народ Магог, с его вождём Гогом, который согласно предсказанию пророка Иезекииля пойдёт войной на Израиль незадолго до прихода Мессии.

Неповторимой была и судьба этого города. Она разительно отличалась от судеб других городов, которые в явном или тайном стремлении к величию неизбежно строились по ранжиру.

В славянском строю за пальму первенства боролись, как минимум, многострадальная Москва и Колыбель трёх революций, она же Северная Венеция.

Третий Рим научил не верить слезам, а Город Петра стал кузницей вождей, которые вошли в «каучуковую» историю, растягивающуюся в угоду другим, измельчавшим, носителям власти, в очередной раз не ведающим что творят.

Взгляд в прошлое слишком зависим от продажного настоящего. Истина, канувшая в Лету, превращается в правду. Взгляд в будущее более честен, хотя и туманен. Это, конечно, не Туманность Андромеды, но занавес из мельчайших частичек водяного пара астрологических предвидений тоже с успехом «замыливает глаза».

Но и наш город – не город-герой, а герой повествования, не скромно не стоял особняком. И ему было что сказать двум избалованным вниманием российским столицам. И я не исключаю возможности следующей словесной дуэли.

– Ты кто такой? – угрожающе-артистично махнёт фразой, как шпагой, город на Неве.

– Давай, до свидания! – продемонстрирует Москва свежий пример частичной ассимиляции пришлым меньшинством кисельно-гостеприимного большинства.

На этот раз в широкую душу жителей Русской равнины с неистребимым акцентом и мелодичными песнями под танец с кинжалами вбежали выходцы с обеих сторон Кавказского хребта. Со временем всё вернётся на круги своя. Пришлая горная интеллигенция останется интеллигенцией и воспримет ценности равнинного большинства, а просочившийся вместе с ней кавказский криминал займёт своё достойное место среди русской и прочих мафий.

Многочисленную, но вялую конкуренцию «кавказцам» составили лишь миллион трудолюбивых таджиков, настолько трудолюбивых, что в самом Таджикистане их теперь проживает меньше, чем за границей, полмиллиона самых спокойных мигрантов – молдаван и много, слишком много украинцев, не разглядевших в Украине Соборности даже за линзами розовых очков и снова ставших в Москве малороссами, жующими сало, уплетающими галушки, готовящими бесподобный борщ и заставляющими при рождении плакать евреев.

– Я – избранный город, – рассечёт воздух как клинком странный город и сделает резкий выпад. – У Вас были только слуги, а ко мне придёт сам антихрист!

– Я что-то об этом слышал... – попробует неуклюже обороняться культурная столица, увеличив дистанцию боя.

– И я... – синхронно с ней попятится назад исконно-купеческая Москва.

– Зато какие слуги! – быстро придёт в себя город, после вступления Российской Империи в Первую мировую войну ставший Петроградом, а после смерти Владимира Ульянова – Ленинградом.

Он продемонстрирует лучшие образчики итальянской школы фехтования, первой утвердившей классический принцип «убивать остриём, а не лезвием». Хорошо ещё, что в качестве второго оружия город на Неве не решится воспользоваться «Адмиралтейской иглой»!

– Да! – несколько неуклюже отобьёт белокаменная поражающую поверхность воображаемой шпаги амбициозного города.

Но город, задира-бретёр, на удивление, столицам был не по зубам. В том числе и по числу названий. За свою относительно непродолжительную историю он их сменил аж целных пять.

– Согласен, но даже самый лучший слуга малоинтересен по сравнению с самым худшим господином, – поставит жирную точку в споре избранный город, одним предложением выбив аргументы у двух столиц, и приставит виртуальный клинок к подъязычной кости каждой.

– Убедил, – почти в один голос прохрипят уставшие Санкт-Петербург и Москва.

В избранном городе дух истинного единения, с его Верой, Надеждой и Любовью, незримо сосуществовал с разномастной бесовщиной, несущей разрушение, тлен и прах. Богоборчество, не находя выхода прежнему кровавому размаху, обречённо извивалось в окостеневающим мозгу носителей забальзамированных идей марксизма-ленинизма.

Но, казалось, до всего этого никому не было никакого дела. Разве что юродивому, вечно босоному поэту Фролу, который в повидавшем Армагеддон костюме бороздил по городу, разбрасывая афоризмы, глупые стишки и почти нострадамовские катрены.

Да, вот, к примеру, сегодняшнее четверостишие, с которым сумасшедший обратился к смотрящему по городу, вору в законе, Румыну, когда тот по блатному вальяжной походкой в сопровождении сутулого «шныря» выходил из помпезного здания отделения банка с дурнопахнущей репутацией прачечной периода Великой депрессии:

Когда наступит время Собачьей звезды...
Тогда бес убьется беса...
И станет итогом вселенской вражды...
После пьесы новая пьеса...

За прочтением в ахматовской манере каждой строки очередного катрена юродивый начинал натурально изображать собаку, высовывая язык и смешно вращая тазом. Протяжно-грудная печаль в простуженном голосе проникала в самую душу, хотя манера преподнесения вызывала улыбку.

Фрол, которого вор называл не иначе как Фролушка, стал любимчиком Румына, давно заприметившего чудака, круглый год перемещавшегося по городу с непокрытой лысой головой, облепленной родимыми пятнами, словно божья коровка. В руках Фрол постоянно держал засаленную тетрадку с незаполненными чистыми листками в клеточку или, как выражался Румын, в «решётку». Перед тем как что-то произнести дурачок всегда наугад заглядывал в неё.

К юродивому с небесно-голубыми, выразительными глазами в городе прислушивались многие, убедившись, что катрены душевнобольного имеют пророческий смысл, а стишки содержат то предостережения, то рецепты избавления от проблем.

Однажды прочувствовал это на собственной разукрашенной шкуре и костлявый Румын, грешная душа которого металась из крайности в крайность. Если бы кличку вор получил в это время быть ему не Румыном, а Кашеем. Во время очередной встречи с ним Фрол, заглянув в тетрадь, заявил вору в законе:

Ты среди овец герой,
Но всё портит геморрой.

Румын автоматически сжал кулак с явно выраженным синдромом «костяшка боксёра», отреагировав на неблагозвучное «геморрой», но тут же рассмеялся. Ещё бы: геморроя у него не было, да и с чего ему взяться с его традиционной ориентацией. Но не тут-то было... Не прошла и неделя, а Румын уже жаждал снова встретиться с юродивым, как Моська со слоном.

– Чего делать-то, Фролушка? – скрипя золотыми зубами, начал выпытывать блаженного вор, сдерживая желание грубо облаять блаженного по фени, но ограничился лишь самоободряющей фразой: – Врёшь, Фарт на понт не возьмёшь!

На этот раз расхохотался сумасшедший, затем заглянул в тетрадь и произнёс:

Если использовать листья осины,
Геморрой пропадёт у мужчины.

Румын прислушался к совету Флора и благополучно избавился от убийственного для вора недуга. С тех пор юродивый и Румын начали встречаться ещё чаще.

Вор из своих полных сорока пяти лет двадцать провёл в местах лишения свободы. Следуя воровскому закону, он не имел семьи и, видимо, поэтому по-настоящему привязался к Фро-

лушке. Только ему он верил, только его побаивался, как Божьего человека, только его просил наставить на путь истинный.

К тому же, преступно обогащаясь, Румын, перестраховываясь, умын намеревался купить себе и себе подобным индульгенцию, раздавая часть незаконной добычи священникам и малоимущим. Попы брали деньги как причитающееся, а обделённые воспринимали помощь как манну небесную евреи. Согласно их преданиям, поедая манну, юноши чувствовали вкус хлеба, старики – вкус мёда, дети – вкус масла. О женщинах евреи умолчали. Выходит, о гендерном равенстве в то время речь не шла.

Если Флор болтал без умолку, некоторые в городе либо потеряли дар речи, либо не имели его вовсе, но большинство бляело в одно отарное горло. Это слаженное мычание ягнят было похоже на то, которым в своё время Капитал, верный, раболепный слуга сатаны, словно матросов гонореей портовая девка, наградила неСТРОЙный хор пролетарского стада. Ещё бы! В нём нерадивых овец, шагающих не в ногу с потребителями прибавочной стоимости, становилось всё больше и больше.

Капитал осознал, что неконтролируемый толстосумами гегемон может совершить не ту революцию, которая была нужна сатане. Ох, уж этот сообразительный Capitalis! Недаром он, в переводе с латинского означающий «главный», «доминирующий», «основной», действовал по-суворовски. Великий полководец любил повторять, что, «если не можешь предотвратить безобразия, нужно его возглавить».

И Капитал внешне уверенно повёл пролетариат к Коммунизму, зная наверняка, что один из самых заманчивых проектов в истории человечества, один из самых несбыточных мифов обречён на провал. Так начинался кровавый поход во имя создания общественного и экономического строя, основанного на социальном равенстве и общественной собственности на средства производства. Во Истину, кто верит в миф, тот поклоняется идолу. Кто поклоняется идолу, тот прах.

– Коммунизм – как сухой закон: идея хорошая, но не работает, – сказал какой-то американский актёр.

Мне трудно с ним согласиться.

– Коммунизм – это, скорее, сифилис: начинается хорошо, заканчивается плохо.

Так или примерно так.

Там, где уродливый фантом Коммунизма, от того же мёртвого латинского означающего «общий», совершил революцию, он продемонстрировал своё... звериное лицо и стал предостережением другим народам, доказав, что принцип: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!» – не более чем блеф. С таким кредо большинство неизбежно направит все свои способности на выдумывание всё новых и новых потребностей, а не на применение способностей во имя общего блага.

Когда в пролетарской гвардии отпала необходимость, Капитал уничтожил своё порождение, вместо которого на передовую со всех щелей и закоулков вылезло омолодившееся племя «чёрной» магии и криминала. Иначе и быть не могло.

Обновлённое старое масонство, шаманы в джинсах и гадалки в секонд-хенде – все они в припадке демонической истерии с возбуждённым, почти сексуальным, нетерпением ожидали, а криминал развращённым подсознанием предчувствовал появление антихриста.

– Когда же, когда же?! – противно-истово скрежетала какая-нибудь молодящаяся старушенция, обхватив крючковатыми пальцами магический шар, не замечая, что её иссиня-чёрный парик съехал набекрень.

– О, антихрист, приди! – завывал доморощенный маг, ковыряясь в разлапистом носу.

– Я жду тебя, – стонала и покрикивала нимфоманка-экстрасенс, делая депиляцию интимных мест воском.

– Час пробил! – орал полусумасшедший масон, вращая глазами как на горе рак, тужащийся от свиста.

– Скоро всем амба и некуда вихриться, братва... – темнил Румын после того самого, мрачного, катрена Фрола, пугая «шестёрку» и «шнырей». – Такая вот колбаса с глазами.

Он нервно поглаживал в сауне восьмиконечные звёзды на нагло выпирающихся ключицах. Странности смотрящего становились всё более и более заметными немногочисленным окружающим. То ли он сходил с ума, то ли что-то чувствовал – было не ясно. В общем, с кем поведёшься. Но вор оставался вором даже будучи явно не в себе и к нему неизменно прислушивались те, кто в преступной иерархии стояли на несколько ступеней ниже.

– Есть от чего метать икру. Румын косяков не порит, – прошептал прыщавый «шнырь» коренастому собрату с таким количеством наколок на теле, что ему однозначно позавидовал бы любой якудза.

– В натуре, – твякнул одолеваемый чесоточным клещом полнолицый «шестёрка», массируя свой недуг за дёргаными движениями.

– Да ты не дрейфь, «афиша», а то весь издёргался, – принял за волнение заболевание собрата по «удаче» «шнырь».

И так далее, и тому подобное. Ожидание антихриста было повсеместным, но только этому странному городу было суждено его дожидаться. Пролетариат, руководимый атеистами-коммунистами, в своё время, сделал всё от него зависящее, чтобы тот пришёл. Несмотря на эволюционную трансформацию, явные, а в основном тайные, приверженцы ещё далеко не такой ветхой идеи Коммунизма калечили и продолжают калечить наивные слабые души самой изощрённой пыткой – правдой стадной справедливости и безапелляционного атеизма.

Были, есть и будут другие бесхребетные формы правды. По сути, всякая правда – это не более чем поощряемая современниками ложь, порицание которой не означает невозможности её последующего превращения в очередную, почти или даже абсолютно голую, правду, недаром изображаемую римлянами с эротической аллегоричностью в виде обнажённой женщины. Без умолчания и прикрас, как есть, без обиняков – это ли не попытка приблизиться к Истине. Правда попытка слабая.

Благодаря подобным правдивым метаморфозам, стадо превращается в массы, массы – в толпу, толпа снова в стадо. И так по кругу. Эволюционируют исключительно пастухи, по своему усмотрению меняя пропорции лжи, предназначенной, но не предначертанной, простодушным овцам.

Этот круговорот, медленно, но уверенно превратившийся в миропорядок, очень удобен власти имущим, потому что позволяет применять универсальный метод воздействия на массы – метод «кнута и пряника», который в английском варианте звучит менее благозвучно, зато более сексуально – «морковки и палки».

Именно дозировка «пряника» и «кнута» или «морковки» и «палки» формирует соответствующий политический режим: от охлократии, отбирающей угощение у тех, кто ещё недавно грозил народу наказанием, до тоталитаризма, дающего страждущим ровно столько пищи, сколько необходимо, чтобы те не умерли с голоду. А чтобы не возникало желание употребить более положенного – в ход шёл «кнут» или «палка». Это как вам будет угодно. В итоге, наказание одних превращалось в зрелище для других...

С древности город рассматривали как центр мироздания. На холме, или лучше на горе, возводилось главное культовое сооружение. В этом случае Каинск, а именно так называется город, расположенный немного севернее сорок восьмого градуса и заслуживший наше внимание, был исключением.

Главный храм города, видимо, с каким-то атеистическим подтекстом местных депутатов, предоставившим именно этот земельный участок под его строительство, был воздвигнут в низине, хотя и рядом с довольно живописным прудом, в котором с конца весны и до начала

осени звучал великолепный хор бесхвостых земноводных и в который на крещенские морозы нырял чуть ли не каждый десятый горожанин.

В этот день втрое большее количество каинцев созерцало за соскучившимися по жадным летним взглядам парней девушками, которые, по-волчьи клацая зубами, с птичьим криком и поросычьим визгом лезли в воду, демонстрируя свои разнотипные фигуры в разноцветных мини-бикини: «прямоугольники» или «бананы», «треугольники», они же «яблоки», «груши» и «песочные часы».

Затем прелестницы, как ошпаренные, выскакивали из нестерпимо обжигающей тело воды. Порывисто растираясь полотенцами, продрогшие «креветки» начинали проклинать весь мужской пол, хотя именно ради его отдельных представителей они решились на такой подвиг.

– С-с-с-сволючи, н-н-н-на ка-ка-ка-какие же-же-же-жертвы и-и-и-идём р-р-р-ради н-н-н-них, – смешно возмущался тощий кучерявый подросток, явный «банан», на котором бюст-гальтер тщетно пытался зацепиться за так называемую грудь.

– К-к-к-козлы он-н-ни в-в-в-все! – вторил упитанный, коротко стриженный «треугольник», который, не в пример кучерявой, имел что предьявить сильному полу.

– Н-н-н-не т-т-т-то с-с-с-слово, – поддержала, действительно, представительница прекрасного пола с идеальными «песочными часами».

Конечно, крещенское омовение по религиозным мотивам или в силу традиции принимали и пожилые, хорошо сохранившиеся и бесформенные, сухопарые, упитанные и толстые, женщины. Они намеревались оздоровиться или омолодиться и многие в этот православный праздник начинали осознавать, что начало желаемому положено.

Что касается представителей сильной половины человечества с бесстрашием гладиаторов входящих в стихию воды, то на этот раз их было ненамного больше прекрасной. Атлеты, жилистые и разнокалиберные «бочонки», лысые, волосатые и коротко стриженные, карлики, среднерослые и великаны – почти все они трижды ныряли с головой в прорубь. Затем, после интенсивного растирания тела, большинство и в самом деле получало, кто благодать, кто удовольствие. При этом некоторые, желая согреться или следуя традиции, принимали на грудь разные порции «огненной воды», чувствуя себя заново рождёнными.

Храм возле пруда был в основном, если не сказать исключительно, построен на деньги воровского общака и фамилии криминальных авторитетов плотно, но уютно разместились на памятной мраморной доске, разделенной на шестьдесят четыре клетки и привинченной к высокому каменному забору. Алфавитный порядок легко сдался на милость порядку кастовому. Всё это были достойные люди, среди которых нашлось место и Румыну. Любитель самой известной настольной логической игры занял на памятной доске ячейку, соответствующую клетке d 7 на доске шахматной.

Обломать бы клюв дятлу, который выдолбил на мраморе Ф. И. О. этих... замечательных людей!

Уголовники искренне верили, что за счёт наворованного и награбленного смогут купить себе индульгенцию в Рай. Их наивно-религиозная экзальтация была сравнима со степенью почитания индейцами бога кукурузы по имени Ах-Мун, которому, к слову, на бессознательном уровне, со сменой пола, поклонялся и Никита Сергеевич Хрущёв, называвший кукурузу «царицей полей». Видимо, братва забыла не слишком ободряющую фразу из бородатого анекдота: «Попитка – не питка. Правда, Лаврентий Павлович?».

А пытка им предстоит. И не просто пытка, а самые настоящие адские муки.

Большинство из воров заслуживало не одного, а, как минимум, нескольких кругов ада, кроме первого. Там, если верить Данте Алигьери, томятся души некрещёных младенцев и славных язычников – воинов, мудрецов, поэтов. Местные главари были крещёными, к тому же далеко не младенцами. Да и уголовные разборки, рассуждения «по понятиям» и восхищение

перед бластным шансоном не давало им права рассчитывать на относительный уют первого круга Ада.

Так что с определением места в преисподней для каждого авторитетного грешника демону Миносу приходится изрядно повозиться. Но в любом случае пассажиры вовремя прибывают на станцию назначения. И это был в основном седьмой ров восьмого круга Ада. По идее глубоко, не правда ли?!

Тут обитают воров, которых монотонно, с наслаждением, кусают чудовищные ядовитые змеи. От этих страшных укусов «джентльмены удачи» рассыпаются в прах, но тут же восстанавливаются снова в своём первоначальном виде. Вам жаль их? Значит, вы пропустили мимо ушей слова Вергилия: «Грех жалеть грешников!»...

На празднике Крещения присутствовал сам настоятель храма, коренастый, я бы сказал пнеобразный, протоиерей Азат, который, позёвывая и пощипывая тощую русую бородёнку, освятил воду в вырубленной в пруду проруби – «иордани». Священник с лихвой оправдывал значение своего имени – «свободный», «независимый». Заручившись поддержкой местной братвы, протоиерей Азат, в миру Милан Хрюкин, творил что хотел и всё ему сходило с рук.

Его аккуратный пятачок находил корыто везде. Любовницы... много. Охота, конечно, на крупную дичь... регулярно. Алкоголь... постоянно. И этот далеко не полный перечень пороков явно не соответствовал церковному сану Азата. Но к чести протоиерея, мальчиками он не увлекался или, вернее, пока не увлекался. Кроме того, в ущерб возложенным на него саном обязанностям, Азат был азартным рыбаком. По его указанию в пруду разводили карасей, линей, карпов и окуней, а коллекции рыболовных снастей Хрюкина мог позавидовать... Да любой мог позавидовать.

Тщедушный Румын знал где, когда и кому из начальства Азата подмазать, чтобы замять очередной скандал. Ему по зарез нужен был этот протоиерей. Через Его Высокопреподобие в местную колонию шёл весь «грев». Азат превратил часовенку пенитенциарного учреждения в перевалочную базу наркотиков, алкоголя, деликатесов и прочего. Всё это даже привело к снижению популярности традиционного криминального напитка – чифира.

Каинская исправительная колония особого режима с номером дюжины от лукавого была широко известна тем, что в ней когда-то отбывала наказание яркая, противоречивая личность – Енукидзе.

Поговаривали, что этот Енукидзе был родственником того самого Енукидзе... Авеля Сафроновича, революционера, члена комиссии по организации похорон Ленина. Авель Енукидзе был крёстным отцом второй жены вождя Иосифа Виссарионовича Сталина, Алилуевой Надежды Сергеевны и расстрелян по указанию Отца народов в 1937 году.

Своим следователям Авель Енукидзе поведал о настоящей причине конфликта с Генеральным секретарём.

– Коба! Зачем ты держишь старых большевиков в тюрьме, – однажды посмел упрекнуть Каина-Сосо Авель. – Зачем тебе их праведная кровь?

– Запомни, Авэль, кто нэ са мной – тот протыв мэня! – в ответ «мэдлэнно» произнёс Сталин, посмотрев на Енукидзе такими глазами, точно тот убил своего родного брата.

Но праведность одних поступков Авеля сочеталась с порочностью других.

Обоих Енукидзе, если верить молве, объединяли не только кровные узы, но и извращённая сексуальность. Каинский Енукидзе любил мальчиков... Но об этом позже.

Авель Енукидзе, напротив, со слов откровенно-словоохотливой красавицы Марии Сванидзе, в девичестве Корона, принадлежащей к богатой еврейской семье, жены брата первой жены Сталина... Ух! Не выговоришь... Так вот, по её наблюдениям, Авель систематически совращал малолетних девочек.

По большей части, за «ведение антисоветских разговоров и осуждение карательной политики Советской власти» Мария была осуждена к восьми годам лишения свободы, а в 1942 году

в отношении неё было вынесено постановление о расстреле, приведённое в исполнение в тот же день. Реабилитирована... Естественно, жертва была реабилитирована и, как водится, после смерти Палача.

И вот эта Мария с каким-то осуждающим упоением описала уродство авелевских страстей. Наблюдательная Сванидзе описала Енукидзе как существо развратное, сластолюбивое и смрадящее вокруг себя. Сводничество, разлад семей, обольщение девочек – вот далеко не полный арсенал наслаждений, которые доставляли удовольствие видному деятелю партии – Авелю, утратившему элементарную бдительность в половом вопросе и, как результат...

«Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал всё это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом. Будучи эротически ненормальным и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на всё более и более юных... Чтобы оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всех», – откровенничала Сванидзе.

Но остановимся на этом, чтобы дальнейшие подробности плохо скрываемых сексуальных потребностей извращенца Авеля не вызвали естественную тошноту и вернёмся к пенитенциарному вопросу.

Так вот, исправительное учреждение Каинска неизменно пополняло ряды местного криминалитета. В свою очередь зоновский обшак в лице смотрящего Румына, который, по сути, выполнял функции директора уголовного кадрового агентства, при помощи Азата регулярно «подогревал» отбывающих наказание воров. Делалось это не из благодарности, солидарности или, упаси пропавшие души Боже, альтруизма, а в расчёте на подобное ответное отношение. Ведь от сумы и тюрьмы не зарекаются. Не последнюю роль в оказании воровской помощи играет прагматизм, учитывая, что, «джентльмен удачи», пребывая во здравии, со злодейским ремеслом справится лучше хворого собрата...

Многое в городе, во всяком случае, на первый взгляд, было как обычно: улицы представляли собой, довольно вразумительную пространственную схему, площади давали возможность разгуляться духу коллективизма, в тупиках справляли нужду, пьянствовали и «ширялись» те, кто выпал из общественного гнезда...

– Люмпены, – частенько на лекциях, используя термин, введённый Карлом Марксом, презрительно отзывался об этих, не научившихся летать, «птенцах» профессор единственного в городе ВУЗа.

О лекторе мы ещё поговорим. Обязательно поговорим, но немного позже.

Каинск, конечно, не был Городом Солнца. Судя по названию, он должен был быть даже наоборот. Так это было или не так – судите сами.

Тихий провинциальный населённый пункт градообразующее предприятие сделало притчей во языцех. Экологическая обстановка в городе была сродни газовой камере, что послужило поводом для сочинения многочисленных анекдотов о живучести жителей Каинска.

О себе же каинцы шутили, что они люди будущего, потому что выживают в таких условиях, к которым остальному человечеству только предстоит привыкнуть. При этом город утопал в пыльной, но пышной зелени и те, кто на бегу намеревались решить задачу экологическую, хромая, породили проблему медицинскую. Дело в том, что основным деревом озеленения новостроек Каинска символично стал быстрорастущий тополь осинообразный. Осинообразный! Таки образно. Многие знают, что именно на осине повесился один из известных потомков Каина – Иуда. Это уже потом в городе высадили берёзы, каштаны, липы, акации, клёны, яблони, черешни, вишни, абрикосы... К слову, по статистике, в Каинске вешались не часто и в основном на невысоких плодовых деревьях...

Так вот, с первых чисел июня в городе начинался настоящий пухопад, вызывая почти поголовную аллергию. Но ребятня, ещё не успевшая устать от каникул, находила известное

удовольствие в пожароопасной забаве. Брошенные детворой спички заволаживающе поедали пух, отдыхавший от ветра у бордюров вдоль дорог.

Да, было в Каинске что-то такое, что сделало его сценой нашего повествования! Но всё по порядку.

В этом городе, как, впрочем, и любом другом, все спят под одним одеялом, хотя просыпаются под разными постельными принадлежностями. Проснувшись, честные горожане принимают душ и завтракают, по пеликаньи поглощая главную пищу дня. Вдобавок они ещё успевают перекинуться несколькими предложениями. На этот раз при желании можно было подслушать такой диалог.

– Тебя забрать с работы? – дежурно, с набитым ртом, спрашивает муж жену.

– Не надо, дорогой, – прихорашиваясь, на бегу, отвечает та. – Я сегодня задержусь.

– Как всегда! – обиженно буркнет он.

– Ты же знаешь, пупсик, что у меня дел невпроворот, – попробует загасить на корню пламя конфликта она.

– Только не дома!

– Давай, не будем!

– Давай!..

По силе хлопка дверью муж определил, что секса сегодня не будет, а, если и будет, то в виде бревноподобного одолжения, называемого супружеским долгом...

Затем наступало время утреннего часа пик. Общественный транспорт трещал по швам, как штаны в обтяжку, с трудом натянутые на ягодицы толстяка, вздумавшего присесть на приземистый табурет. Раздражённое многоголосье клаксонов безуспешно боролось с заторами. Вереницы индивидуумов, сливаясь в толпы, угрюмо брели по одним и тем же улицам, хотя и в разных направлениях. Благодаря сознательной части населения города мусорные урны с удивительной быстротой наполнялись жевательными резинками, окурками, фантиками, пластиковыми бутылками... Несознательные не очень утруждали себя меткостью, а то и вовсе сорили, где попало. Кое-кто пытался сделать замечание, но тут же выяснялось, что несознательных намного больше сознательных.

– Тебе что, больше всех надо?! – обыгрывалось на все лады, в том числе и с примесью, иногда виртуозной, брани...

В итоге, особо сознательный вынужден был ретироваться во избежание перехода вербального избиения, как минимум, в гематомное, но не исключено, что и в костоломное.

Чтобы приободрить сознательных, скажу, что на следующее, ну очень раннее, утро во всех концах города дворники про себя, под нос или довольно громко слали страшные проклятия мусорным хулиганам. На фоне этих сочных многоэтажных ругательств мастеров метлы большинство матерных нападок правонарушителей выглядело как детский лепет.

– Бедные те женщины, которые родили вас назло презервативам! – высказался дворник с Красного переулка, естественно, с учётом тотальной авторской обработки текста.

– Бабуины канализационные, черви толстожопые, гниды недоразвитые, – без устали с добавкой «чтоб вам» с нелюбимыми подробностями расплылась кривоногая с длинной морщинистой шеей старушка-дворник с городского сквера имени Карла Маркса, филолог на пенсии, которую знакомые величали не иначе как по отчеству – Бояновна.

Но вернёмся к часу пик. Горожан ждала любимая, или не очень, работа, поглощавшая тонны кофе, колы, тысячи пирожков, пряников и не меньшее количество домашних котлет и бутербродов, десятки тысяч сигарет и жевательных резинок... После работы некоторых манили тренажёрные залы или бассейн, большинство – душ, ужин, секс или сразу сон. И так изо дня в день по маршруту белки в колесе. Такова городская жизнь с её перемалыванием индивидуальности в коллективных жерновах.

Одни обожают свой город, другие ненавидят. Удивительно, но и те, и другие, расставаясь с ним, скучают по нему и стремятся поскорее вернуться. Кто не может этого сделать, того начинает терзать ностальгия – чувство, впервые заслужившее внимание пера великого Гомера.

Но в каждом городе есть горстка несчастных жителей, которые остаются к нему равнодушными. Это изгои. Просто они не встретили своего города.

В любом случае эта история не о равнодушных, как, впрочем, и любая другая история.

Многие считают, что город начинается с первого дома, дороги или объекта соцкультбыта. Многие, но не все. Так вот, по мнению этих «не всех» любой, во всяком случае, цивилизованный, город начинается с канализации, а заканчивается, соответственно, свалкой. Посредником между жителем города и свалкой, безусловно, является ведро, а канализацию от homo sapien отделяет его величество унитаза.

О, ведро! Это изобретение с ручкой служит незаменимым способом перемещения полезного жидкого, сыпучего или твёрдого, но в череде этих достойных тружеников нашлось место и для скромного мусорного собрата. В то время как остальные спокойно спят после трудового дня, мусорное ведро не спит. У него мигрень от этих запахов, чесотка от фантиков и бумажек, желудочные колики от объедков. Лекарство существует только одно – периодическое мытьё.

Мусорное ведро почти никогда не отдыхает, потому что почти никогда не бывает пустым. Время от порога до мусорного контейнера или мусоропровода пролетает как транзитом НЛО. Да что там говорить... Та ещё работёнка. Но ирония судьбы заключается в том, что и мусорное ведро, в конце концов, оказывается на свалке.

– Ну, что? И тебя пустили в расход? – вяло позлорадствует, разлагаясь от солнца и дождей, ржавый и дырявый, собрат.

– Да уж, – обречённо буркнет мусорное ведро в ответ, становясь долгожданной частицей свалки.

– Ну, ну, – заглянув в свою дырявую пустоту, невесело пробубнит старожил.

– Ага, – глядя на него, вздохнёт новичок.

Так они и будут, охая и ахая, теряя цвет и форму, встречать рассветы и закаты, становясь частью таблицы Менделеева.

А что ещё может сказать мусорное ведро?.. Утилизировать утилизаторов! А ведь звучит. Звучит как... экспроприация экспроприаторов!

В настоящее время профессия мусорного ведра ушла в небытие в связи с появлением полиэтиленовых пакетов, выполняющих его работу, но ещё немало пластиковых тружеников на ниве отходов продолжает разлагаться на свалках со скоростью периода полураспада плутония.

Что касается унитаза, то он стал не просто местом утренних размышлений о смысле бытия, переоценки ценностей или на худой конец чтения, в лучшем случае очередной страницы, в худшем – целой главы, какого-нибудь детективчика с дурно пахнущим сюжетом. Унитаз во многом стал мерилем социального статуса человека. Покажи мне свой унитаз, и я скажу кто ты – вот так должна гласить древняя мудрость. Конечно, унитазы привязаны к туалетам, но туалеты не всегда привязаны к жилищу. Есть туалеты, расположенные в общественных местах. И они тоже являются критерием оценки, но уже благосостояния целого города.

В Каинске все общественные туалеты были приватизированы долговым предпринимателем Акимом Душкиным, не лишённым одной из местных достопримечательностей – чувства юмора. Нет, это не был одесский юмор, воздушный и беззаботный как морской бриз. Это был сухой и хлесткий степной ветер. Но и тот, и другой воздушный поток с равным рвением раздували горн, раскаляя до красна кусок стали, на котором алыми буквами значилось: «Русский язык».

Но из этой стали житель Южной Пальмиры ваял оружие наподобие шпаги одного из отцов Одессы-мамы – герцога де Ришелье, а дитя степей «выдавало на-гора» убийственный,

колюще-режущий, акинак. Естественно, юмор одессита, оттачиваясь, становился всё более изящным, артистичным, колким, но щадящим. В свою очередь суровый степной юмор, по мере заточки, начинал балансировать между пошловатой фееричностью и феерической пошлостью.

«Это всё слова» – скажете вы и будете правы, если мы сразу не перейдём к примерам.

Итак, когда одессит, вытирая платком покрасневший нос, пожалуется: «Вчера мой зонт, спасибо склерозу, остался дома, а я, таки, получил насморк», степняк пробурчит: «Зачем нужен проклятый зонт, если из-за дырявой памяти всё равно промок».

Если одессит поинтересуется: «И где Вы пропадали?! Я же переживаю! Вдруг у вас все хорошо...», то в интерпретации «скифа» это будет звучать так: «Давненько не виделась? Зона, психушка, наркология?».

Когда южанин говорит: «Чтоб я Вас так забыл, как я Вас помню», житель юго-востока произносит: «Я бы тебя с удовольствием забыл, но уверен, что ты мне о себе напомнишь».

Ну а на одесское: «Так Вы будете покупать или мне забыть Вас навсегда?!» сын степей, вдохнув разнотравье, заявит: «За очередь, конечно, спасибо, но, может, ты ей уже покажешь, что тоже покупатель?!».

Да, душа этого города представляла собой пёструю палитру характеров и темпераментов. В ней было немного Одессы, Кишинёва, Москвы, Петербурга и ещё множества городов и весей когда-то необъятной Родины.

Так вот, Душкин, вооружённый степным юмором, на ходу дал своим туалетам тут же полюбившееся населению города и округи название: «Экстаз». Как только не обыгрывалось это название! А ведь звучит: «Пойду, получу экстаз» вместо затёртого: «Схожу в туалет». В результате, посетители душкинских отхожих мест за умеренное вознаграждение, начиная чуть ли не с вывески, получали экстаз – не экстаз, но облегчение точно.

Когда кто-то в тесном кругу пытался подтрунивать над родом деятельности Акима, предприниматель любил рассказывать следующую историю: «Когда сын Веспасиана Тит упрекнул отца в том, что тот ввёл налог на общественные уборные, император поднёс к его носу деньги, поступившие по этому налогу, и спросил, пахнут ли они? На отрицательный ответ сына Веспасиан произнёс: „И всё-таки они из мочи“».

– Так вот, мои деньги не пахнут... Во всяком случае не так дурно, как ваши», – заканчивал повествование авторским довеском бизнесмен с душком.

Голосок у Акима, названного так в честь деда, высокий и женоподобный, в районе контральто. В свою очередь лицо, хотя правильное было бы сказать физиономия, было довольно неприглядным. Пять глубоких и длинных морщин на лбу напоминали нотный стан, который был забрызган нотками угрей. Длинный тощий нос почти упирался в худосочные губы, в которых, как в засаде, пряталась ироническая улыбка. Видимо, вследствие природного гормонального сдвига Душкин регулярно, но безуспешно пытался бороться с обильной, огненно-рыжей растительностью в носу и ушных раковинах. Жидковатые волосики на голове были неопределённого цвета и коротко подстрижены, делая оттопыренные уши ещё более оттопыренными. Хитрые, беспокойные глазки успевали всюду, опережая белку, занятую заготовкой припасов на зиму.

Одевался Аким броско, я бы сказал, по-молодёжному, хотя немного пестровато-пошло даже для неё. В этой связи особенно выделялась дорогая и яркая обувь, которую Душкин менял как перчатки. Аким был женат уже лет пятнадцать, но, видимо, в силу занятости нелицеприятно-пахнущим бизнесом детей у него не было. Душкин недурно... Правда, недурно играл на гитаре и душевно пел романсы. Лучшее всего ему удавалось исполнение «Белой акации гроздь душистые». Это музыкальное произведение, впервые опубликованное в сборнике ещё в 1902 году, но ставшее чрезвычайно популярным только после выхода на экраны фильма «Дни Турбиных», Душкин исполнял настолько проникновенно, настолько искренне, что минорное

настроение окружающих могло исковеркать только изрядное количество алкоголя, выводящее слушателей на другой... скотский уровень восприятия реальности.

Не случайно, если бы учёный-этимолог, зная Душкина, намеревался определить происхождение его фамилии, он до седьмого пота колебался бы между «душевностью» и «душком». Скорее всего, эти потуги не увенчались бы ничем.

Вместе с тем, Аким был какой-то шишкой в местном региональном отделении какой-то политической партии. Он любил выступать перед широкой аудиторией с задушевными речами. В запале Душкин представлял себя то Цицероном, распинающимся в сенате, то Троцким, с убийственной логикой разглагольствующим перед массами.

После туалетно-душевной темы уместно коснуться ещё одной дурнопахнущей. Милиция, в нынешнем варианте полиция, в Каинске занималась привычным для себя делом. То есть, не занималась своими прямыми обязанностями вовсе, разве что для вида. Зато система «крышевания» была удивительно отлаженной и если «крыша» протекала, то «течь» устраняли оперативно. Опера «патронировали» наркопритоны, периодически делая из тех, кого «доили» козлов отпущения. В свою очередь «жертвы ментовского произвола», попадая в тюрьму, в большинстве случаев, оставались «козлами», но уже по «масти».

Уголовники в погонах «крышевали» и просто домашние притоны, бесплатно пользуясь услугами путан. Конечно, это была не «Камасутра», но простенько и со вкусом. Во всяком случае, для оперов, не слишком искушённых в эротических премудростях, к тому же принявших на грудь смертельную дозу немца, хватало и пару традиционных поз для достижения оргазма. Но, как известно, бесплатная радость часто несёт с собой гадость... к радости местного, неперсыхающего, венеролога, в карман которого перекочёвывали «грязные» деньги ментов.

– *Similia similibus curantur*, подобное излечивается подобным. Но это не Ваш случай, – часто повторял пациентам местный «писькин доктор» и ненамного реже: – Венеролог – не врач, а напоминание о жадности или лени.

– Наши пациенты друзьям только рассказывают о том, что у них наболело, а нам ещё и показывают. Так давайте же выпьем за венерологов – единственных врачей, которым пациенты доверяют больше чем друзьям, – любил произносить в профессиональной компании тост венеролог.

По слухам, он частенько проводывал Азата, которого знал ещё с хрюкиновских времён.

Был в городе... как не быть... и один честный лейтенант возраста подполковника, но коллеги считали его почти придурком, а жители Каинска, сталкиваясь с несвойственной городским сотрудникам милиции порядочностью, воспринимали мужчину настороженно, думая, что просто имеют дело с очень продуманным оборотнем в погонах. Местное руководство держало его за шута, показывая приезжему начальству как в своё время в цирке демонстрировали бородатую женщину с острова Тасмания.

Подпоив пожилого лейтенанта, ныне покойный начальник Каинского городского отдела милиции Кубышкин Игорь Вальдемарович частенько подводил разговор под тему повышения эффективности борьбы с преступностью. В свою очередь высокопоставленное руководство с иронией, а, подчас, и с плохо скрываемым смешком, воспринимали рассуждения ментаинопланетянина в состоянии между подшофе и в стельку.

– Милиционер – это верный пёс Закона, который неумоимо преследует Зло, – однажды во время подобной пьянки пафосно заявил начальству захмелевший лейтенант.

– Ага, чтобы получить кусочек сахара, – съязвил, пьяно икнув, один из присутствующих, порадовавшись собственной шутке больше, чем она того стоила.

– Не за сахар работаем, а за совесть, – убеждённо огрызнулся младший по чину.

– Лейтенантские погоны – не велика награда за совесть. И повесить тебя в звании могут разве что голуби, – пьяным языком резвился высокий чин.

– Да, я честный мент и горжусь этим! – распалился лейтенант, стукнув по столу увесистым кулаком с корявыми буквами из армейского прошлого «Л», «Ю», «С» и «Я» на пальцах.

– Честный мент – это атавизм на теле правоохранительных органов, – давясь оливье, цинично сумничал ещё один высокопоставленный собеседник.

В своё время он не поступил на биологический факультет университета и теперь часто, к месту и не к месту, использовал осколки знаний, не вытравленные алкоголем.

В конце попойки белая ворона, истерзанная пьяным чёрным вороньём, нетрезво махая крыльями, возвращалась в своё запущенное гнездо, лишённое элементарного уюта.

Лейтенант был одинок и еле сводил концы с концами, что и не удивительно. Его одиночество скрашивали сериалы про честных ментов, жёсткое порно, английская премьер-лига, дешёвое пиво, чипсы с беконом и, чуть не забыл, злые, голодные тараканы.

Следователи и гаишники, как обычно, брали взятки, проявляя чудеса изобретательности. Руководство получало от тех и от других свой гешефт и в свою очередь «крышевало» точки приёма металлолома. Звёзды покупались, как и ступени карьерной лестницы, а структура возмездного покровительства передавалась из поколения в поколение. В общем, всё, как и везде: система совращала, затем развращала, а после либо уничтожала, либо переводила на новый уровень совращения и развращения. Эдакая виртуальная игра: чем выше уровень, тем мельче совесть.

Чтобы ещё поведать о городе с названием похожим на имя первого библейского персонажа с кровью на руках?.. Пожалуй, немного боли, крови, секса, театра, сумасшествия и грязи не помешает.

Так, в этом городе стоматологи обещали осчастливить всех желающих очаровательной улыбкой за счёт постоянного совершенствования своего мастерства. Каким образом должно было происходить это совершенствование, скромно умалчивалось. Зато более чем красноречивыми были, например, такие красующиеся на фасадах зданий шедевры рекламного жанра: «Зуб за зуб» или «Всегда тридцать два».

Благосостояние представителей этой профессии, уходящей своими корнями в комнаты пыток подземелий средневековой Европы, неуклонно росло, опережая своими темпами рост инфляции в государстве.

Может быть, именно благодаря кипучей деятельности дантистов, жители Каинска были по-восточному улыбочивыми, а, чтобы при этом не казаться идиотами, к тому же освоили нехитрые азы того самого своеобразного юмора, имевшего зачастую лёгкий угольный налёт и отзвуки металлического задора. От этого юмора иногда веяло городской свалкой, но на это, как и на саму свалку, никто не обращал внимания, за исключением живущих на ней бездомных, собак, крыс и пернатой братии.

Количество дураков в данном населённом пункте соответствовало выбоинам на дорогах, на которые с весны до осени дружно ставили «пломбы» «дантисты» в жёлтых жилетах, не уступая в трудолюбии своим собратям в белой униформе.

В городе до сих пор расположено великое множество всякого рода забегаловок, где можно довольно недурно поесть, попить, поиграть в карты, соорудить глазки представителям противоположного пола, также пришедшим удовлетворить свои потребности, а, затем, улыбаясь почти по-голливудски после похода к стоматологу, рассчитаться с официантом. После можно было продолжить начатое в соседней забегаловке или перейти сразу к телу на чугунной скамье парка, или рядом с ней в кустах, или на кровати в собственной квартире, где, героически сражаясь с алкогольным опьянением, приходилось доказывать случайной знакомой своё мужское превосходство над зелёным змием. При этом заканчивалось всё это, как правило, или быстро, или плачевно.

Худшим развитием сюжета обычно была одна недоразвитая полупоза из «Камастры» и отсутствие всякого намёка на успешное завершение полового акта, свидетельствовавшие

о полной и безоговорочной капитуляции эрекции перед алкоголем. Если же партнёру всё-таки удавалось собрать остаток сил... в кулак, добиться вертикального стояния «огарка» и «зажечь» его, «фитиль» всё равно очень быстро затухал после «заячьего» полового акта. Это можно сравнить со спектаклем, в котором начало действия практически совпадает с концом.

Под утро неудовлетворённая дама, прихватив с собой что-нибудь на память о «незабываемом» сексе, исчезала в неопределённом направлении, не забыв намазать дешёвой губной помадой на зеркале два-три сочных слова на собственно русском языке.

– Козёл, – примерно так, в ответ на вопрос подруги: «Как всё прошло?», заявит обладательница той самой помады.

«Сама коза», – подумает, сочувственно улыбнувшись, подруга.

– Я был на высоте, – на тот же вопрос друга ответит «козёл» и добавит: – Она была восхитительна!

«Не на высоте ты был, а в заднице», – мысленно поправит друг и по-приятельски хлопнет «козла» по плечу. Хотя, на самом деле, подумает он несколько иначе, но смысл тот же.

А если бы и вслух, и в самой грубой форме, то чего обижаться-то?! Какой же русский не любит быстро! Ему вечно некогда. Любить с ветерком, не сбавляя скорости на виражах, не замечая запретительных знаков и бычьего сигнала светофора – это по-русски. Минимум закуски, максимум водки – это по-русски. С таким раскладом достойному сексу со временем не поможет ни стриптизёрша, ни, на худой конец, факир с призывом: «Ванька, встанька!». А Ваньке-то и так хорошо. Его царевнами прельщали. Не поднялся Ванька. Не стал богатырём. Забыл о своём главном предназначении. Говорит, половой склероз. Вот и получается, что нечто отдалённо напоминающее секс приближённо оказывается свинством.

В альтернативу нечистоплотным плотским развлечениям в Каинске имеется даже свой профессиональный театр «Кураж», почти все актёры которого запойные пьяницы, а актрисы то ли работали, то ли подрабатывали в борделях. Был ли это заработок или приработок зависело от внешности, возраста и темперамента жриц Мельпомены.

Однако театральному режиссёру Полукровкину Дмитрию Андреевичу, которого слушители муз за глаза чаще всего называли Димасик, неизменно удавалось «покуражиться» и из этого творческого бедлама вылепливать довольно приличные сценические образы. Поэтому городская элита старалась не пропускать ни одной премьеры в театре, а некоторые даже выступали меценатами.

Полукровкин родился в Санкт-Петербурге в околосельпоменской среде. Его мать, Татьяна Сергеевна, работала художником-гримёром в одном из театров города. Ей было тридцать с заячьим хвостиком, когда она познакомилась с Андреем, отцом Димасика, который после окончания обучения устроился на работу в тот же театр художником-бутафором.

У Татьяны к этому времени закончился долгий, как неспешное пешее путешествие от Москвы до Владивостока, роман с художником-постановщиком театра. Немолодой и, как оказалось, не благородный ловелас вскружил голову тогда ещё почти юной особе, которая верила во взаимную любовь. Эта любовь представлялась Татьяне ремейком одной из немногих пьес со счастливым концом из репертуара театра. Но, увы, конец оказался не таким уж и счастливым.

Ловелас был закоренелым холостяком и годами кормил Татьяну обещаниями брачных уз. Но время шло, а Татьяну с художником-постановщиком театра связывали не узы, а всего лишь любовная ниточка. Засим ловеласу предложили работу в именитом московском театре. Расставание было бурным. Он хотел уйти красиво, Татьяна не желала расставаться вовсе. Следствием их пылкого прощания стали глубокие царапины на лице ловеласа, придавшие некоторую мужественность женоподобному существу. Но после того как буря начала выдыхаться, несчастная Татьяна, уступая просьбам подлеца-ловеласа и приступу профессионализма, обработала его раны и наложила на физиономию пострадавшего негодяя грим.

– Теперь иди и отыщи себе другую гримёршу... – выгнала ловеласа, закончив мастерскую работу, Татьяна и добавила с болью в голосе: – Дуру!

Ловелас не заставил себя упрашивать, но перед тем, как закрыть за собой дверь, попытался промямливать что-то несвязное в своё оправдание.

Вдруг Татьяна увидела перед собой жалкое существо. Настолько жалкое, что ей стало жаль себя и тех лет, которые она с ним провела.

– Пошёл вон, червяк! – яростно выкрикнула девушка, поморщив курносый нос.

– Иду, иду, – опасаясь новых телесных повреждений, ретировался художник-постановщик.

– Не идёшь, а ползёшь, – вдогонку прошептала Татьяна, метнув в спину любовника пару молний из вишнёвых глаз и расплакалась, как её тёзка, уронившая в речку мячик, когда за ловеласом закрылась дверь.

Итак, один «художественный» роман закончился. Настало время другого. Андрей был моложе Татьяны на семь лет, но разницы, во всяком случае, внешней, не замечал никто. Андрей выглядел старше своих лет, а Татьяна, в силу профессиональных навыков, моложе. Их связь привела к свадьбе и рождению пухленького синеглазого малыша.

«Занавес», а не «папа» или «мама», стало первым словом карапуза. Ясли и детский сад ребёнку заменил Его Величество Театр. Первое слово бутуза не только не огорчило или удивило родителей, а скорее порадовало, убедив их в том, что малыш полностью и без остатка готов посвятить себя служению подмосткам.

С детства Дима только и слышал, что о премьерах, о закулисной жизни актёров, но в основном о работе родителей. В его семье была только одна причина для скандала, но эксплуатировалась она с завидным постоянством. Андрей и Татьяна до хрипоты выясняли кто важнее для театра: художник-гримёр или художник-бутафор?

Подобные разборки были экспромтами, но со стороны выглядели как хорошие постановки, неизменно заканчивающиеся битьём посуды. И это было не просто битьё, это было ритуально-магическое действие. Дима, как замороженный, следил за происходящим. Особенно ему нравились эпилоговые стадии перепалок, когда уставшие, но довольные родители садились пить чай посреди хаотического великолепия осколков регулярно обновляемой посуды. С возрастом Дима начал вклиниваться в каждую ссору, привнося в неё какую-нибудь свою... сценическую изюминку. Вскоре родители на собственной шкуре ощутили его не всегда чуткое участие.

Однажды он налил в чашку, естественно, ненароком оставленную им на столе, подсолнечное масло. В результате продуманных действий мальчик стал свидетелем прекрасного парного выступления своих родителей на дубовом паркете, где «танцующие» и впрямь могли дать дуба.

Посему, окончив школу, творчески одарённый юноша не стал решать для себя родительскую дилемму. Он разобрался с ней ещё в детстве, осознав, что его призвание – стать, увы и ах, режиссером-постановщиком.

Надо сказать, что Каинск являлся университетским городом, где не только студенты, как обычно, сходили с ума, но и преподаватели. Во всяком случае, один из них абсолютно достоверно стал сумасшедшим. Это был преподаватель Каинского политехнического университета, доктор исторических наук, профессор Колышкин Андрей Витальевич, тот самый, который любил словечко «люмпены».

Столь неутешительный вердикт мужчине средних лет с бульдожьим выражением лица, жирными, словно смазанными внутренним салом, губами и не по годам шаркающей походкой вынес постоянно хихикающий, похожий на упитанного суслика, главврач частной психиатрической клиники «Тихая гавань» Мишкин.

В этом случае диагноз не носил заказной характер. На лицо и на лице был характерный, стандартный набор далеко не зародышевых симптомов мании величия: восхваление собственных качеств и достоинств, самолюбование, игнорирование чужого мнения, перепады настроения, агрессивность, и нарушение сна. Кроме того, Мишкин совершенно справедливо поставил профессору ещё один диагноз – диссоциативное расстройство идентичности, а точнее расщепление личности Колышкина в личности великого корсиканца.

«Тихая гавань» символично располагалась неподалёку от театра. В клинике тоже был свой «театр» с режиссером Мишкиным. Но если большинство «актёров» «Тихой гавани» были изначально сумасшедшими, основная часть служителей мельпомены сходилась с ума постепенно, но уверенно. Особая атмосфера города и в целом мрачный репертуар театра способствовали этому.

Что касается окрестностей Каинска, то они выглядели по-книжному живописно-удручающе. В маслянистых, медузоподобных лужах отражалось грустное солнце, наглая грязь прилипала к дешёвой обуви, люди с квашенными лицами изрыгали маты и примитивные фразы, делающие их ещё более приматоподобными. Асфальтом здесь и не пахло, но зато, в зависимости от месторасположения окраины, несло мазутом, пылью, пивными дрожжами и, конечно же, конечно же городской свалкой.

Хибары были похожи друг на друга как помидоры в теплице. В них ютились такие же, похожие друг на друга, в зависимости от возрастной категории, особи. Они тоже были неотъемлемой частью Каинска. Только отверженной.

В общем провинциальный Каинск был маленькой копией, если не столицы, то крупного города с той лишь разницей, что канализация в нём была менее полноводной, а свалка не настолько заполненной. А люди? Они везде одинаковы, но одинаковы по-разному.

Не удивительно, что у каждого города свой Мир. У Каинска – свой.

Глава 2. Хозяин

(4 карта старшего Аркана Таро – Император)

*Легче держать возжжи, чем бразды
правления.*

Козьма Прутков

*Если часто стегать возжжами, можно
съехать с наезженной колеи.*

Некозьма Прутков

Среди огромного количества вывесок в Каинске внимание прохожих привлекала огромная надпись на одном из ресторанов – «Воланд». Красный кирпич, вишнёвый балдахин перед входом, мрачный камин, картины с мистическими сюжетами, пепельницы в виде черепов на кроваво-красных скатертях и прочие косвенные доказательства соответствия формы и содержания способствовали популярности данного заведения.

В этом ресторане официанты вместо: «Здравствуйте!» говорят: «Желаю почить с миром!», а вместо: «До свидания!» скажут: «Пусть земля Вам будет пухом!».

Удивительно удачным было месторасположение ресторана. Слева от него разместилось похоронное бюро, выдержанное в более оптимистических тонах, чем здание ресторана. Однако оставалось загадкой, кому было выгодно данное соседство – посетителям «Воланда» или клиентам похоронного бюро – покойникам, которым вдруг приходило на ум перед последней дорогой пропустить стаканчик-другой красного винца для бодрости духа накануне определения своей загробной судьбы.

В ресторане постоянно проводились тематические вечера с характерными названиями: «Пир во время чумы», «Ужин у Дракулы», «Варфоломеевская ночь»...

Отдельное слово надо сказать об официантах. Каждый из них, воплощая, мягко говоря, нездоровую идею администратора заведения, обладал каким-то дефектом речи. Один шепелявил, другой заикался, третий картавил... Официантов частенько меняли, но на место шепелявого обязательно принимали шепелявого, а на место заики – такого же заику. Причиной увольнения было не собственное желание «человеков», а, исключительно, решение хозяина заведения, которому очередной официант чем-то не угодил.

Со временем всех картавых с лёгкой руки местных остряков стали называть Лыба, заик – Меменю, а шепелявых – Стокало. Постоянным посетителям это пришлось по вкусу, как и довольно приличная кухня заведения.

Представьте, подходит к вам официант.

– Ме-ме-ню, – предлагает он и сразу ясно как к нему обращаться.

Подходит другой.

– Сто угодно?

Понятно, что это Стокало.

Ехидно задаёте вопрос третьему о качестве рыбы.

– Лыба свежайшая, – улыбаясь, отвечает тот.

Вот те и Лыба...

Но, в любом случае, моральные издержки официантов с лихвой компенсировались приличной зарплатой и неплохими «чаевыми».

Несколько слов о меню, представлявшим собой сочетание наименований французских блюд с тематическим названием на русском языке. Приведу буквально несколько выдержек на первую букву алфавита с пояснениями:

– антрекот «Завтрак каннибала» представлял собой жареное говяжье мясо, вырезанное между рёбрами, подаваемое на дубовом спиле с вонзённым в него миниатюрным туземным копьём;

– алюмет «Живодёр» – картофель, нарезанный палочками, хаотично политыми кроваво-красным соусом;

– асперж мусселин «Коррида» – спаржа в соусе из яичных желтков, лимонного сока и сбитых сливок с миниатюрной шпажкой на тарелке...

И дальше в том же духе.

Справа от ресторанчика разместилось неказистое, мрачное здание местной адвокатуры, на которое пал выбор, наверное, потому, что, если «расчленишь» это слово, получится нечто зловещее: Ад – Во! Кат – Ура! Как бы то ни было, даже если всё это покажется надуманным и нелепым, адвокаты из соседнего здания частенько посещали ресторанчик. Вознаграждение, умеренное по мнению крапивного семени, занимавшегося в основном разрешением споров между наследниками, без труда перекачывало в карман владельца заведения – личности в городе известной, но от того не менее таинственной.

Хозяином заведения, города и окрестностей был чистокровный еврей, что само по себе и не ново.

Представители этой национальности успевали всё: побывать в египетском плену, предпринять исход из Египта, побродить 40 лет по пустыне, обрести Землю Обетованную, потрепать нервы римлянам, сделать кое-где и кое-как революцию, занять ключевые позиции в мафиозно-финансовых и финансово-мафиозных структурах и к тому же быть бельмом на глазу всего мусульманского мира.

Звали хозяина «Воланда» Армиллий Штерн. На вид ему было лет тридцать. Огромного роста, рыжеволосый, с чётко обозначившейся плешью, с миндалевидными, по-рыбы навывкате, жутко-карими глазами, серым лицом и загнуто-мясистым носом, Армиллий напоминал гигантского, облезло-неуклюжего попугая. Его голова крепилась к дебелому торсу мускулистой колонной шеи. С такими данными, да ещё и с учётом косоной сажени в плечах, будь Армиллий вышибалой, ему бы цены не было. Но он был хозяином.

Штерн был зачат в одной из лачуг пригорода, а родился в старом роддоме, который, видимо, с философским подтекстом революционного атеизма был построен на месте старого кладбища, награждая младенцев, через одного, стафилококковыми палочками.

Через неделю после тяжелых родов его мать, Зоя Израилевна, умерла. Но не столько из-за этого...

Урождённая Куриэль, Зоя была седьмым, последним и хилым, ребёнком в бедной, но дружной еврейской семье, в которой все, кроме неё, вопреки классической нищете, стали банкирами. Зоя же, будучи по-еврейски талантливым ребёнком, пошла другим путём, блестяще окончив художественную и, в придачу, музыкальную школу по классу фортепиано, в совершенстве выучила английский и немецкий языки. При этом язык Гёте, Шиллера... Маркса, Энгельса и... Адольфа Гитлера дался ей особенно легко, видимо, из любви к великим поэтам, династической преданности коммунизму и ненависти к первому человеконенавистнику всемирного масштаба.

Её предки уцелели от произвола испанской короны в средние века, скрываясь в Андалусии, горах Сьерра-Невада. Эта развесёлая область южной Испании не унывала даже во времена лихолетий. Дедушки Зои дружили с детства и женились на юных прелестницах в один день.

Еврейские сеньориты покорили мужские сердца зажигательным исполнением... Нет, не семь сорок, а... фламенко. Страсти и выразительной порывистости обольстительниц поза-

видовали бы даже испанки, чьи па и платья могли соперничать с оперением и движениями фламинго.

Вскоре у одного из дедушек Зои родился очаровательный мальчик, немного погодя у другого – миловидная девочка. Затем мужчины вместе с жёнами вступили в коммунистическую партию и в ходе гражданской войны были расстреляны солдатами Франсиско Паулино Эрменхильдо Теодуло Франко Баамонде, или просто Франко, и тоже в один день. Да, как говорится, дедушки и бабушки Зои были счастливы и умерли...

Итак, первая кровавая стычка националистов и коммунистов закончилась победой мятежников, которых поддержали нацисты и фашисты. Стало быть, Сталин получил первую, но не последнюю пощёчину от Гитлера. Цена этой – сотни тысяч, цена последующих – миллионы. Но завершающее слово в виде убийственного апперкота осталось не за Адольфом, а за Иосифом с его победой... любой, такой дорогой, ценой.

Детей расстрелянных коммунистов вывезли в СССР, где они прошли суровую школу интерната, голодную общежития, тесную коммуналки и в итоге получили компактную, размером с голубятню, «хрущёвку» на окраине Каинска.

Самостоятельно выученному ивриту в семье сефардов тоже нашлось место. В шаббат в ходу был исключительно язык предков, еженедельно предававший однодневному забвению даже «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Исключение составляли только дни проведения субботников, на которых, хош не хош, приходилось трудиться.

Что касается недюжинных и многочисленных талантов Зои, то она не считала нужным выходить с ними на публичный уровень, если не считать благодарных карапузов детского сада «Антошка», в который молодая женщина устроилась музработником, по ходу расписывая стены и двери дошкольного учреждения сценками из добрых советских мультфильмов. В её шедеврах преобладали коты, зайчики и мышки. На одной из картинок, улыбаясь в роскошные усы, пили чай Кот в сапогах, кот Матроскин и Леопольд... кот.

Но дома Зоя регулярно организовывала выставки. По непонятной женской прихоти единственным кто видел её небезынтересные картины с замысловатыми сюжетами был её муж, следователь прокуратуры Борис Самуилович, из, не по-еврейски, простой семьи, которого в близком кругу называли не иначе как Борюсик. Он же был единственным слушателем музыкальных произведений Бетховена, Моцарта, Шуберта... и отрывков из поэм Гёте и Байрона на языке оригиналов. Зато аплодировал любимой жене любимый муж за десятерых, а за его «браво» в прозрачной на звук «хрущёвке» Зое частенько, но осторожно, выказывали неудовольствие соседи с первого по пятые этажи.

– Борюсик, твоё «браво» делает соседям головную боль, – проговорила жена, привычно иронизируя над манерой разговора закадычного друга мужа, Менделя Каца. – Они таки немного портят мне нервы.

По причине, покрытой беспросветным мраком, неисправимый бабник и холостяк Мендель спешно выехал из Одессы в Каинск и вскоре возле опрятного подъезда дома, расположенного на одной из центральных улиц города, стала заметна мышьяная возня с криминальным душком. Мелкие воры сбывали Менделю антиквариат, крупные приобретали его у Каца. Одессит стал незаменимым звеном в криминальной цепи города, а гешефт позволял новоиспечённому подпольному антиквару жить на широкую ногу.

– Зося, направляй их нервы ко мне, и я вырву их с корнем, – подыграл Борюсик жене.

– Вот поэтому ко мне, Борюсик, как к доктору, а к тебе только на пушечный выстрел.

– Ладно, твой единственный зритель, как Адам, осознал всю глубину своего грехопадения. Он больше не будет сотрясать пятиэтажную «голубятню» возгласами восхищения в адрес своей искусительницы-Евы, – патетично заверил Борюсик Зося.

Именно эта красивая еврейская женщина подарила жизнь маленькому чудовищу, которое ни разу так и не взяла на руки. Не то, чтобы ребёнок был безобразен, хотя выглядел он,

и в правду, предельно жутковато. Огромная голова и туловище, длинные руки и ноги, немигающий гипнотический взгляд, не по-детски большое «хозяйство» и редкие, длинные рыжие волосы по всему телу в совокупности делали его больше похожим на маленького примата, чем на человеческого детёныша. Но главное, новорождённый был чудовищно-спокоен и ужасно-сообразителен.

За всё время нахождения в роддоме младенец заплакал только один раз и то после того как непонятно откуда в палату ворвался разъярённый огромный пёс с торчащим в холке шприцом. За ним вбежал, мягко говоря, испуганный врач. Животное рухнуло в метре от кровати ребёнка. Вот тогда и раздался оглушительный, нечеловеческий плач, больше похожий на крик.

Когда мальчика намеревались поднести к Зое Израилевне, она начинала вопить до изнеможения, а затем бормотать бессвязные слова на иврите. Но перед самой смертью мать неожиданно загробно-спокойно попросила принести ей ребёнка.

– Армиллий, – печально прохрипела женщина и испустила дух со словами на «великом и могучем». – Будь ты проклят!

В ответ младенец по-взрослому, рассмеялся. И так, у ребёнка появилось имя и путь. Путь в никуда... Но ведь и никуда куда-то ведёт.

Врачи, не обратив внимания на реакцию новорождённого, а, скорее, не поверив услышанному, в очередной раз развели руками и соорудили скорбную мину, нескрываемо нервничая из-за того, что опаздывают на футбольный матч с участием местного клуба – «Чугун».

Городская команда была перспективным середняком первой лиги, являясь самым молодым футбольным коллективом в чемпионате. После того как её легко и непринуждённо прибрал к рукам всеядный Штерн, «Чугун» стала многообещающей командой уже лиги высшей. Её по-настоящему любили местные футбольные фаны, каждый из которых без стеснения критиковал любого игрока за плохую игру даже во время матча, а не пытался искать причину хренового футбола в погоде, бутсах, мировом кризисе или бессоннице. Когда футболист команды не попадал в ворота соперника, фанаты истошно орал: «Чушка!».

Что предельно хорошо умели делать игроки команды, так это стоять в «стенке», как чугунные слитки, намертво вкопанные в футбольный газон. При этом, кудесники мяча героически прикрывали свои скромные достоинства, гипнотизируя бычьими взглядами игрока соперника, намеревающегося пробить штрафной.

Учитывая сказанное, нулевая ничья была закономерным, а потому традиционным счётом. Если же команде удавалось превратить нулевую ничью в голевую, в городе начиналось некое подобие праздника. В случае победы, подобие праздника превращалось в бесподобный праздник. Впрочем, разгул каинской души начинался и при поражении. Но и радость, и огорчение заканчивались одинаково – массовым мордобоем.

Да, праздновать в городе умели. Ещё как! Выездная торговля, с разбавленным пивом на столах и «палёной» водкой под ними, удавкой лотков сдавливала местный красавец-стадион, в реконструкцию которого Армиллий вбухал такие деньги, что только от одного упоминания потраченных им денежных средств не слишком светлая зависть заставила бы многих олигархов потерять покой и сон.

Трезвым после футбола домой не возвращался ни один настоящий фанат. Некоторые же и вовсе не приходили до самого утра по причине алкогольного пресыщения. Кое-кому и вовсе не везло в связи с употреблением продуктов неизвестного происхождения, в основном насаженными на шампуры, немые с начала футбольного чемпионата. Эти болельщики могли не появляться дома неделями и даже месяцами.

– Дерьмовая игра, – после поражения «Чугуна» возмущался в инфекционной палате плосколицый больной, мучаясь от боли в области живота. – Команда не играла, а ползала по полю как безмозглые черви после дождя.

– Это точно... – кряхтел на больничной койке маленький старичок с огромной бородавкой на лбу в районе «третьего глаза». – Такое чувство, что к ногам бездельников привязали чугунные гири.

– Полностью с Вами согласен, господа больные болельщики, – перебил на корню намечающийся жаркий диспут слегка небритый и нетрезвый лечащий врач Казимир Северинович, вошедший в палату в сопровождении покрашено-смазливой медсестры в накрахмаленном халатике, непонятным образом, прикрывающим трусики. – Голова и ноги далеко не всё. А в случае с нашими игроками ещё и ничего!

Медсестра улыбнулась немного кривовато, что, однако, её ничуть не портило. Она бы могла даже с такой неидеальной мимикой соблазнить кого угодно, но предпочла вечно небритого и нетрезвого врача.

Полный тёзка основоположника одного из наиболее ранних проявлений абстрактного искусства новейшего времени никакого отношения к искусству не имел... Разве что к искусству «разводить» родственников больных на деньги. Своими неблагоприятными поступками Казимир Северинович Беленький жирными масками на полотне своей душонки писал свой «Чёрный квадрат» Малевича. По замыслу известного художника эта картина являлась частью триптиха наряду с «Чёрным кругом» и «Чёрным крестом». Вот и выходит, что у каинского Казимира всё ещё было впереди.

Розовощёкий Беленький в лучших традициях чёрного юмора любил ставить пациентам смертельные диагнозы, в ярких красках описывая течение вымышленных болезней и финал. Белокурая медсестра давилась от смеха, восхищаясь юмором женатого избранника. Она ещё верила, что он разведётся и их служебный роман превратится в крепкую семью с крикливой ребятнёй и милыми семейными перебранками.

В перерывах между разглагольствованиями доктор разминал челюсти, безжалостно издеваясь над мятной жевательной резинкой, безуспешно пытавшейся заглушить неистребимый перегар. Учитывая, что «смертельные» диагнозы Казимир Северинович ставил при каждом обходе, переполнение «уток» больными после услышанного превратилось в норму, а один пациент, роняя слёзы на тетрадку в клеточку, даже сочинил завещание.

На этот раз под раздачу попал старичок с бородавкой.

– А с Вами всё... – обращаясь к нему, сделал театральную паузу Беленький.

– Что значит всё? – дрогнувшим голосом промямлил старичок.

– *Indicia vocatus et cibum veneficii*, – произнёс с каменно-печальным лицом, словно зачитал приговор, Казимир Северинович.

В переводе с латыни фраза всего лишь означала: симптомы алкогольного и пищевого отравления. Но болельщик со стажем этого не знал, а тон врача не предвещал ничего хорошего.

– Значит, приплыл Афанасий?! – выдавил из себя повествовательно-вопросительно-восклицательную, но в любом случае обреченную, фразу старичок.

– Пожалуй, Афанасий, пожалуй, – легко согласился Беленький.

– Есть ли хоть какое-то средство? – с надеждой в голосе, притаившейся как мышь в норе, поинтересовался несчастный фанат футбола.

– Не знаю... Разве что *castorea oleum*. Да, пожалуй, только *castorea oleum*, — утвердительно покачивая головой, проговорил слово «касторка» на латыни Казимир Северинович, которое прозвучало для «обречённого» как панацея.

– А это не больно? – с мольбой в дрогнувшем голосе, сморщив физиономию, спросил старичок, не скрывая нескупой мужской слезы.

– Это как пойдёт, – не слишком обнадёжил Беленький.

Медсестра, глядя на выражение лица пациента, не удержалась и хихикнула.

– У меня такая болезнь, а ты смеёшься! – возмутился, покраснев от негодования, болельщик. – Как тебе только не стыдно?!

– Не обращайтесь внимание, уважаемый Афанасий. Это у неё нервное, но, как и Ваша болезнь, её расстройство тоже лечится только при помощи *castorea oleum*, – успокоил старичка врач и еле слышно только медсестре добавил: – Подобное подобным...

И всё-таки с приобретением команды «Чугун» Штерном болельщики имели все основания рассчитывать на успешное выступление команды в будущем.

– Что, чушки, надоело получать приличные деньги?! – в начале каждой разборки полётов после приобретения клуба Армиллием, со старта, орал новоиспечённый главный тренер Олег Ефимович Дрянкин, заканчивая безжалостную словесную экзекуцию фразой, ставшей крылатой: – Я вас, чугунные отливки, превращу в стальные болванки и отолью футбольные звёзды или сдам на металлолом.

Дрянкин знал о намерении Штерна переименовать клуб...

– ... Вот тогда «Чугун» и станет «Сталью», – металлическим тоном продолжил вместо тренера Армиллий, однажды, после очередной бесцветной ничьи зайдя в раздевалку команды. – Да, Дрянкин, не тяни кота за хвост иначе Баст обидится и будет дело дрянь... Ребятки, мне нужен результат, но я переживу и другие провальные матчи, а вот вы... Вы – вряд ли. Я сказал – вы не глухие. И баста!

Штерн ушёл, хлопнув дверью. Каждый завиток пышной кучерявой шевелюры главного тренера зашевелился словно змеи на голове Медузы Горгоны.

«Баст? Что за Баст? – параллельно с шевелюрой спонтанно зашевелились извилины Олега Ефимовича. – Тьфу! О чём это я! И так дело дрянь...».

Коротко стриженные игроки, будь они ещё немного моложе, сконфузились бы по мокрому, а так их души просто ушли в пятки и долго не возвращались. К тому времени все в городе знали, что Армиллий Борисович не изволят шутить...

Но вернёмся к облачному детству Армиллия Штерна, которого отец называл Миля. Вскоре после рождения мальчика Борис Самуилович вместе с сыном, с трудом и ни с чем, выехал на постоянное место жительства на свою историческую родину, где сумел залечить душевные раны. Там отец и сын увлеклись изучением Каббалы и, естественно, Таро, связь между которыми ещё в девятнадцатом веке установил знаменитый Элифас Леви – французский оккультист и таролог, ставший на некоторое время для Мили непререкаемым авторитетом. Но вскоре Штерн посчитал, что именно он постиг оккультный смысл соответствия 22 Старших арканов Таро 22 буквам иврита, которые, согласно Каббале, представляют собой слова, которыми неведомый Господь творил Вселенную, точнее проявлялся в ней.

Насколько Миля преуспел в постижении премудрости никто не знал, но одни поговаривали, что после гибели его отца от руки палестинского фанатика Штерн получил какое-то откровение и вернулся из Земли Обетованной с тайной миссией. Другие конкретизировали, утверждая, что он вернулся с целью организации масонской ложи в рамках заговора сионских мудрецов и узурпации власти, и не только в городе.

В любом случае, вскоре все узнали, что Армиллий Борисович непомерно амбициозен и кровожаден, пылко любит кошек, яростно ненавидит собак и беспощаден к тем, кто оскверняет Таро, гадая или играя обычными картами – ущербным вариантом Младших арканов.

Небезынтересным является то, что Борис Самуилович был хасидом и прекрасно танцевал под песню «хава нагила», которая на языке многострадального народа буквально означает: «Давайте радоваться». Да, евреи, пожалуй, единственные представители человечества, которые умеют с достоинством быть несчастными и счастливыми почти одновременно.

Отец Армиллия являлся истым носителем неподражаемого даже для еврея юмором. Особенно Борис Самуилович преуспел на ниве самоиронии. Его соплеменники лишили другие народы возможности смеяться над собой, потому что лучше самих израильтян никто не умеет этого делать. В итоге евреи заслужили право смеяться над кем и чем угодно. И это стало ещё одним безосновательным поводом их ненавидеть.

Так вот, некоторые почитатели таланта Бориса Самуиловича приписывают ему авторство нескольких десятков известных анекдотов, особенно, о евреях.

Да, вот первый, который сразу пришёл на ум.

– Кто самые большие оптимисты в мире?

– Конечно, евреи.

– Это ещё почему?

– Как почему?! Они ещё не знают, какой у этого будет размер, а уже обрезают...

Утверждают также, что последними словами Бориса Самуиловича были слова: «Давайте радоваться» ... И тоже, как в случае с женой, на русском языке...

– Я вернулся, – первое, что первому встречному в Каинске заявил Штерн после возвращения.

Случайно или не случайно, но первым встречным оказался бледный, сутулый, с улыбкой, напоминающей оскал, парень – не самый яркий представитель вампирской субкультуры. Возможно, это было вызвано тем, что молодой человек так и не определился: является ли он приверженцем «вампирского стиля» или относится к «реальным вампирам».

Иногда ему казалось, что он испытывает нечеловеческую потребность в человеческой крови или энергии, иногда, что его испепеляет солнечный свет или у него аллергия на чеснок. Более того, «вампирёныш» начинал верить, что у него имеются все основания считать себя ясновидящим.

Юноша носил дешёвые накладные клыки, занимался «кровавым» сексом, почти наизусть знал свод правил «Чёрная вуаль» и при этом был завсегдатаем практически всех костюмированных вечеринок с участием себе подобных. Видимо, таким образом «вампирёныш» на подсознательном уровне намеревался гармонизировать в себе и пристрастие к «стиливым», и тягу к «реальным» вампирам.

Первые считали неуравновешенными придурками вторых, а вторые о первых отзывались не менее презрительно, называя их упрощенцами.

– Поздравляю, – на ходу буркнул парень, обнажив клыки, и уже хотел идти дальше.

– Стой! – приказал Армиллий. – Ты мне нужен.

– А? Я? Конечно! – как на сеансе гипноза ответил юноша, в будущем постоянный посетитель ресторана «Воланд», потеряв всякие пространственно-временные ориентиры.

Со временем «вампирёныш» выступит проводником воли Штерна среди всех направлений субкультуры в регионе. А их немало разместилось в алфавитном списке между альтернативщиками и эмо. Очень скоро юнец станет эдаким местным комсоргом неформалов.

Что касается вновь прибывшего то, действительно, в течение двух лет после возвращения в город Армиллий превратился в видного, а со временем, и ведущего бизнесмена целого края. Ему удавалось всё и даже более. Самые невероятные и заведомо убыточные проекты приносили прибыль. Казалось, что деньги делались из воздуха или, во всяком случае, печатались на станке, причем двадцать пять часов в сутки.

Его империя подчинила весь бизнес в районе. Должностные лица государственных структур, ненавидя и завидуя, заискивали перед ним, рассчитывая на объедки с барского стола, предприниматели заверяли в своей безграничной преданности в надежде на кусочек пирога из рук «императора», который, впрочем, раздаче хлебобулочных изделий предпочитал устройство зрелищ в контролируемом им, постоянно расширяющемся, крае. Раз в год, на Новый год, Армиллий устаивал в городе такой салют, которому позавидовали бы искушённые Дубай, Гонконг, Сингапур, Сидней или Токио. Армиллий Борисович радовался как ребёнок и жутко хохотал, когда очередная серия выстрелов разрывала небеса салютом. Три раза в год Штерн организовывал не менее захватывающие фейерверки, один из которых в честь своего четвероногого любимца.

Но средств у Армилия хватало не только на развлечения. Политическую амнезию народных избранников всех уровней также считали делом рук Штерна, хотя и без него политики были продажны, а честный вызывал если не открытое подозрение, то подозрительное сочувствие, в общих чертах напоминая ситуацию с лейтенантом милиции.

Не удивительно, что на следующих выборах те, кто имел право голоса, но страшился или не имел собственного мнения, с треском прокатывали «белую ворону», птицу чрезвычайно редкую, на грани исчезновения. Наивные добрые избиратели шушукались, что её место в кле... палате №6, той самой «Тихой гавани», вместе с местными Бэтменом, Эйнштейном, естественно, Наполеоном, и прочими.

Правосудие в лице шумного, низкорослого, подслеповатого, сутулого, немолодого председателя Каинского городского суда с шевелюрой по плечи и бородкой в стиле «Линкольн» напоминало Барабашку и было куплено Штерном на корню, превратив его в очередной корешок зла.

Дмитрий Даздраворович Жульников, его отец, Даздравор (Да здравствует Великая Октябрьская революция!) Даздралисович, и дед, Даздралис (Да здравствуют Ленин и Сталин!) Мефодиевич были продуктами советской эпохи с её новым бытом, праздниками, традициями и именами. Но перестройка заставила Дмитрия Жульникова пересмотреть своё отношение к аббревиатурному отчеству, которое, как ни крути, сочеталось с фамилией. С этого времени Жульников величал себя Дмитрием Даниловичем.

Возможно благодаря абсурдной замене вековых имён постреволюционной глупостью на примере деда и отца, сын с какой-то неугомонной одержимостью стал собирать предметы, относящиеся ко времени великих потрясений и перемен. Подпольный антиквар Мендель зарабатывал хорошие деньги на прихоти Дмитрия Даниловича. А деньги у Жульникова, олицетворявшего городскую Фемиду, водились – не переводились.

– Мне бы орден «Красное Знамя» не старше 1926 года, – не здороваясь, озвучил очередной заказ мужчина в летних штанах и сомбреро, поправив на пузе под футболкой пистолет Макарова, с которым он почти никогда не расставался.

– И Вам доброго времени суток, господин Жульников. Старый антиквар дядя Йося частенько говаривал, – сладко улыбнулся Мендель, – что за неимением своей славы, можно недорого купить чужую.

– Насколько недорого? – деловито поинтересовался Дмитрий Данилович, милостиво пропустив мимо ушей явную издёвку.

– Конечно, с деньгами не так хорошо, как без них плохо, – изрёк еврейскую мудрость антиквар. – В Вашем случае, молодой человек, Вашему кошельку будет ещё достаточно хорошо и не слишком плохо.

– Ладно! Недели хватит определиться с ценой? – раздражённо произнёс нескромный слуга Фемиды.

– Как говорила Сара на «Привоze»: будет товар – будет цена, будет цена – будет торг. А торг всегда уместен, если гешефт будет не в накладе. Надеюсь, через неделю я не буду огорчён, а Вы довольны и не в накладе...

Свои грязные судебные делишки Жульников проворачивал с пожилым и не неглупым щербатым адвокатом Антоном Альбертовичем Щербетовым. Правда, со временем, его профессионализм улетучился, так как в нём отпала необходимость. Для посредника в даче взятки вполне хватило прежних заслуг и подвешенного языка. К грузному, рыхлому, толстомордозадому, с глазками крота и неприятным запахом изо рта адвокату народ шёл, зная, что Щербетов и Жульников вась-вась, хотя злые языки намекали на шуры-муры...

Городским головой было не то чтобы БЕЗголовое, но довольно БЕЗобразное мужеподобное существо – Петрова Надежда Ахилесовна. О, она была не просто некрасива, она была восхитительно нехороша!

Такая женщина не могла не глянуться Штерну. Ему были БЕСконечно близки грязные, продажные душонки... по духу. Но эта крашенная бабище, пользующаяся бледной, как поганка, губной помадой, была ближе других ещё и по... носу. Многие в городе, судя по её загнуто-мясистой части лица, точной копии армиллиевской, судачили, что Надежда Ахилесовна не может не быть его родственницей.

В целом образ Петровой с выстиранными васильками непоседливо-суетливых глазок напоминал прожжённую моль, за свой век уничтожившую не одно меховое изделие. По иронии это мощное насекомое в юбке было одним из самых известных лепидоптерофилистов Восточной Европы. Замечательная коллекция бабочек занимала три комнаты аляповато-помпезного загородного особняка Каинского головы. Её непривлекательная внешность резко контрастировала с великолепными творениями с полным циклом превращения: от яйца до имаго. За любовь к крылатым насекомым Надежду Ахилесовну величали Бабочкой.

– Не всякая бабочка краше гусеницы, – посвятил градоначальнику афоризм юродивый Фрол, задев Петрову за живое.

Ничего удивительного, что Надежда Ахилесовна не побрезговала держать в городе сеть ломбардов, конечно же оформленных на подставное лицо, занимаясь такой же древней, как и проституция, и такой же презируемой, деятельностью.

Она не была знакома с мнением Иоанна Златоуста, признанного авторитета Церкви, считавшего, что «ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать рост здесь на земле». Богослов утверждал, что «ростовщик обогащается за счёт чужих бедствий, несчастье другого обращает себе в прибыль, требует платы за своё человеколюбие, и как бы боясь показаться немилосердным, под видом человеколюбия роет яму глубже».

И только иудаизм подошёл к этому вопросу чисто творчески. Запретив выдачу денег под проценты единоверцам: «если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста», для гоев иудеи любезно сделали исключение: «с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости», «ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать».

В общем, Надежда Ахилесовна за счёт авторитетно-порицаемого бизнеса добросовестно вносила посильную лепту в дело укрепления финансового могущества империи Штерна.

Да, во всём мало-мальски значимом в жизни города ощущалась железная воля Армиллия.

Хозяин поддерживал не только политиков, но и представительниц ещё более древней профессии, торгующих не совестью, но телом. Во всех частях города, учитывая количество «храмов» плотских наслаждений, можно было повесить несколько десятков красных фонарей. Видимо, Каинск стремился превзойти славу Помпей, в которых на двадцать тысяч населения приходилось 35 публичных дома. Ничего удивительного не было бы в том, если бы вскоре в Каинске появились фаллические указатели к домам терпимости, как в городе, уничтоженном вулканическим... семьяизвержением.

Количество же неучтенных жриц любви оставалось неизвестным. Известным было только одно – мужская половина города не испытывала нехватки в любви и ласке, иногда позволяя даже грубости в отношении особо навязчивых представительниц слабого пола, избравших путь порока вместо уюта домашнего очага, пьяного супруга, сопливого одного или парочки детишек, стирки, уборки и прочих радостей семейной жизни. Супружескую повинность усталого тела женщины свободного полета смело и, самое главное, охотно, меняли на полёт фантазии клиента или группы клиентов, забывая о возможных последствиях буйного разгула.

Штерн без зазрения совести посадил ментов на процент от «крышевания» домашних притонов. Конечно, не обошлось без жертвы, принесённой на алтарь порока. Очень уж не хотелось уступить доходный бизнес «выскачке», как опрометчиво высказался об Армиллии, тот

самый, ныне покойный начальник Каинского городского отдела милиции Кубышкин Игорь Вальдемарович.

Сумасшедший Фрол предсказал ему печальный конец, озвучив катрен, над которым Кубышкин только поржал:

Запомни, голова – не колобок:
Убежит и не вернется никогда.
Положат деньги тебе на зубок
И бумагу, но это ведь не еда.

Защищая своё, Игорь Вальдемарович, в прямом смысле, положил голову на пьедестал памятника Карлу Марксу в городском скверике. Её то рано утром и обнаружила дворник Бояновна. У бедного каинского Йорика изо рта торчала солидно-соблазнительная сумма денег и записка с текстом из одного слова: «Подавился».

– Бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз... 1 – процитировала дворник Шекспира.

К моменту прибытия милиции к месту обнаружения не самой нужной части тела начальника горотдела денег и записки во рту Кубышкина обнаружено не было, как, впрочем, и всего остального, отягощённого деликатесами и алкоголем. Зато Бояновна, не побрезговав, прибрахлахла, сходила в салон красоты «Нефертити» и почти месяц поглощала морские гребешки, жирную гусиную печень, нарезку из телятины, грибы, суши, сыры: эдам и гауду, фрукты, ягоды, орехи, миндаль и даже «вульгарную» пиццу, которая не слишком сочеталась с благородным шампанским. Бояновна в нём прямо-таки купалась и не одна, а с давними, как родинки на ягодице, подружками: Тонькой и Нинкой.

В отличие от филолога Бояновной подруга детства Тонька всю сознательную жизнь просидела в конторе одного из цехов градостроительного предприятия, а на пенсии осталась работать банщицей. Из обмылков, вес которых шёл на тонны, Тонька наладила

1 Шекспир Уильям, Гамлет, принц датский (пер. М. Лозинский). Издательский дом: Азбука. Год издания: 2000.

производство мыла на дому почти в промышленных масштабах. За это соседки, да и подруги называли её Мыльницей. Что касается Нинки, то она работала в Каинской исправительной колонии общего режима и изъяснялась по фене, немного разбавленной русским языком. Многие из её лексикона переняли и подруги, и частенько в узком кругу ботали на уголовном жаргоне.

– И откуда привалил такой фарт (счастье, удача), подруга? – поинтересовалась Нинка, давась нарезкой из телятины.

– Так масть легла (так вышло, такая судьба), – уклончиво ответила Бояновна, позволив себе *tutto da champagne* – отрывку от шампанского.

– Не колоти понты (притворство, показуха, лицемерие), – встряла в разговор Мыльница.

– Западло (претит, лень, неохота) шобле (компания, сообщество, группа подельников) про башли (деньги) кольнуться (признаться в содеянном преступлении) по-свойски? – давила на подругу Нинка.

– Промолчу – поберегу макитру (голова). И всё, ша – закрыли тему. Давайте лучше о погоде и о туманном, но светлом завтра...

О расчленении Кубышкина одни поговаривали, что к его смерти причастен честный лейтенант, натерпевшийся от начальника, о котором теперь только хорошо или, как мы, почти ничего. Другие, что в убийстве Кубышкина виноват вор в законе Румын. Разглагольствовали, что оборотни со звёздами на мундирах и криминал со звёздами на ключицах чего-то там не поделили. Но узкий круг приближённых Штерна знал правду. Знал, но помалкивал.

Численность путан в избранном городе была таковой, что это не могло не породить конкуренцию в их куртизанской среде обитания. Чего они только не делали, чтобы привлечь и удержать клиента! У девиц лёгкого поведения стало модным наносить татуировки на различные участки тела. Так, одна из представительниц самой древней профессии имела по художественному отпечатку ладони на каждой ягодице. И привлекательно, и удобно. Во всяком случае, шалун-клиент если и отшлёпает, то почек не отобьёт. Другая путана на спине сделала татуировку в виде простенького ребуса, но большинство клиентов разгадывало его всю ночь. Третья проститутка, в прошлом преподаватель латыни, заказала две крылатые фразы – по одной на каждой половинке попки: *periculum in mora* – «опасность в промедлении» и *repetitio est mater studiorum* – «повторение – мать учения». Грамотные клиенты смеялись, шутили или иронизировали по поводу надписей. Реакция прочих, узнававших содержание латинских изречений от проститутки, ничем не отличалась от поведения грамотеев.

Благодаря фантазии путан, и клиенты, и сутенёры, и куртизанки были не в накладе. Сутенёры вначале просто поощряли эти «изюминки» до тех пор, пока «маркетинговые» исследования не подтвердили растущую популярность проституток с тату на пикантных участках тела по сравнению с нерасписными «жрицами любви». Учитывая это обстоятельство, сводники, или на дореволюционном воровском жаргоне «коты», начали обязывать своих «подопечных» наносить татуировки и наколки, изгаляясь в зависимости от наличия или отсутствия тюремного прошлого, художественного вкуса и, естественно, интеллекта.

Штерн не возражал против увеличения своего дохода... тем более такой мечено-пикантной ценой.

– Не буду я делать эту наколку. Мне ещё замуж выходить! – не в шутку заартачилась смазливая путана по прозвищу Марафет, когда смешливый тонкогубый сутенёр показал ей откровенно пошлый эскиз наколки с надписью: «Секс-мастерица».

Ответ не заставил себя ждать.

– Заглохни, шмара, а то твой жених не дождётся тебя, – последовавшая сочная оплеуха заставила звенеть оба, просвечивающихся на свет, уха проститутки. – Стой, кобыла, в стойле и не брыкайся!

Дальше было не то чтобы хуже, но слишком уж унизительно даже для шлюхи.

Отнесение сутенёрства к категории «западло» заставляло сводников держаться вместе в радости и помогать в горе тем, кто из их среды попадал в места лишения свободы, в том числе, чтобы избежать прогнозированного изнасилования или даже убийства со стороны осуждённых, отбывающих наказание по... по-настоящему уважаемым в криминальном мире статьям.

Так вот, на ближайшую вечеринку сутенёров тонкогубый сводник привёл Марафет и пустил её «по кругу» в промежутке между навязанным проститутке аперитивом и дорожкой кокаина.

– Ну что, будешь меня слушать, тварь?! – злобствовал сутенёр.

Марафет уже не ненавидела «кота», пребывая в состоянии искусственной нирваны.

– Да, босс, – из прекрасного далёко отозвалась проститутка, побывавшая более чем во всех позах «Камасутры» вперемешку с фантазиями маркиза де Сада...

Она даже попыталась покрутиться на шесте, но закончилось всё это вывихом лодыжки и конским ржанием обдолбанных «котов».

Будучи внушительного телосложения, мало походя на своих сородичей, Штерн оказывал благотворительную помощь на развитие в городе бокса. Да, именно того вида спорта, кото-

рый только в этой стране считали таким, что способствует развитию умственных способностей спортсменов. И это в то время как на другом полушарии один голодный спортсмен-каннибал, с явно выраженными признаками слабоумия, на ринге откусил ушную раковину у соперника. Армиллий даже учредил динамично развивающуюся промоутерскую компанию «Нью Каин» и выступил организатором ежегодного боксёрского турнира «Золотой кулак» с призовым фондом... С солидным призовым фондом.

Звёздами компании стали высоченные братья Дятловы с ломаными-переломанными ещё во времена разгула рэкета «клювами» и неподдельно-туповатым выражением рябых физиономий. На этих коротко-стриженных ряхах улыбка смотрелась как на корове сарафан. Мало того, что братья с детства отличались от сверстников косноязычием, так ещё и после неоднократных переломов гальских носов, Дятловы стали изъясняться с французским прононсом. Но главное рябые братья не хуже курицы рябы несли золотые яйца в лукошко, предназначенное для Штерна. Об этих двоих из ларца – одинаковых с лица, в принципе, сказать особо нечего, если только... Если только то, что старший из Дятловых, Егор «собирал» календари, за всю жизнь не прочитал ни одной книги, любил полных брюнеток и вкладывал деньги в свой бренд нижнего мужского белья «Дятлофф». Младший Ефим в детстве мечтал стать Суперменом, обожал себя, любил комиксы и коллекционировал пивные крышки.

– Для Каинска слишком даже одного дятла, а два – это явный перебор в угоду дьявола, – именно так высказался юродивый Фрол, встретив братьев возле главного храма города.

Егор был вне себя от негодования, но выдавил подобие улыбки, не слишком разбавив тупое выражение лица. Ефим оказался менее сдержанным и замахнулся на сумасшедшего пудовым кулаком, но вынужден был пересилить себя под осуждающими взглядами горожан.

Только недавно я где-то вычитал, дятел в христианстве является символом дьявола и ереси, которые разрушают человеческую натуру и ведут к проклятию...

Армиллий любил посещать свой ресторан, всякий раз заказывая фирменный напиток с ласкающим слух корейца названием – «собачья кровь». В это время местные коты сотнями кружились вокруг ресторана, разрывая воздух победными криками. Их никто не трогал, поскольку хозяин заведения, как мы уже знаем, питал особенную, поистине мистическую привязанность к этим четвероногим.

Среди кошачьей братии особенно выделялся гладкий сиамский кот – любимец Штерна и соплеменницы кошки Нюрки с огромными печальными глазищами. Наглый и злощип толстяк своими повадками напоминал пушкинского учёного кота из Лукоморья. Он тоже любил сходить направо, рассказывая затем своей подруге сказки, и налево, напевая очередной зазнобе любовные арии.

Кот откликнулся на кличку Князь и то лишь тогда, когда его звал Армиллий и угощал из собственных, по-мужски лапистых и по-женски холеных, рук живой форелью. На других двуногих кот вообще не обращал никакого внимания.

Нюрка жила в квартире у пьяницы, Гулькина Сергея Мефодиевича, имевшего солидный стаж общения с «зелёным змием», недавно познакомившим его с «белочкой». Разумеется, долгое время никто об этом, кроме Нюрки, не знал, так как пьяница никогда не выходил из дома в состоянии полной невменяемости.

«Валерианы, б..., валерианы!» – наверное, непрестанно орал бы этот пьяница, если бы переродился котом.

Верил ли Гулькин в переселение душ неизвестно, но в этой жизни он просто сошёл с ума.

Конечно, опухший от менделеевского изобретения и традиционного самогона в исполнении известной в узком кругу, но во всех частях города, бабы Насти, с «изрытым» оспой лицом и трясущимися в такт африканского барабана ручонками, Гулькин не всегда был пьяницей. Почти отличник, почти спортсмен, почти студент, почти музыкант... Вся жизнь его прошла под этим усечённым девизом. Так он почти и жил, и по-своему почти не тужил.

Однажды один беспокойный и обеспеченный родственник, в очередной раз навестив запойного Гулькина, стал свидетелем настоящего представления. Лицезреть как пьяница бежит по квартире в семейных трусах со шторой на плечах и размахивает хваталками как крыльями, родственник решительно забрал Нюрку с собой, благополучно за дорого определив Сергея Мефодиевича в «Тихую гавань». Там тот оказался в компании изменённого сознания профессора Кольшкина и прочих умалишённых.

Но любовная история Нюрки и Князя на этом не закончилась, так как она имела свободный доступ на улицу и частенько пользовалась этим, чтобы уличить любимого в очередной измене. Всё заканчивалось звериной сценой ревности, а затем кошачьей «Камасутрой».

И всё же Князь продолжал вести свободный образ жизни, который не мог не сказаться на его импозантной внешности. Бесчисленное количество шрамов украшало его мужественную наружность, давно уже оценённую по достоинству котами-рогоносцами. Этот «кошачий Распутин» успевал везде и всюду, доставляя удовольствие кошкам, но вызывая зависть и гнев котов. Если бы можно было невооружённым взглядом видеть стрелы кошачьего Амура, то Князь был бы похож на дикобраза.

К гордости Князя, его аМУРррные похождения стали притчей во языцех всего мирового кошачьего сообщества. Вот и выходит, что «цыганское радио» кошачьему не годится даже в подмётки...

Уже довольно давно, когда кот вместе с братьями-крысоедами передумал почти всех грызунов на городской свалке, почти чистокровная дворняга с большими белыми пятнами вокруг глаз по кличке Босс надругалась над незаурядной внешностью сиамского самца, откусив на две трети его гордость – хвост.

Этот кобель уверял собратьев, что имеет родословную мастиффа, уходящую собачьими корнями во времена рюриковичей. Ему никто не верил, но и не спорил, так как это могло дорого обойтись сомневающемуся в знатном происхождении пса.

Стало быть, хотя внешне Князь и пострадал, его авторитет ещё более вырос. И, вправду, он стал жертвой не какого-то облезлого, разобидевшегося собрата, а здорового пса благородных, как тот утверждал, кровей.

Не слишком разбираясь, а, скорее, не вдаваясь в тонкости вольной жизни Князя, Штерн не находил себе места. После этого события его ненависть к собакам достигла критической массы и послужила основанием к открытию в городе коммунального предприятия по утилизации животных со странным, но титаническим названием – «Прометей» под патронатом самого Армилия Борисовича.

Прометей... Подарив людям огонь, этот титан был наказан заслушанием Зевсом, пока Геракл не убил орла, выклёвывающего печень отступника, которая на зависть алкоголиков отрастала снова и снова, и не освободил благодетеля человечества.

Какое отношение мифологический персонаж имел к отлову и утилизации собак ответить уже никто не мог, так как на предприятии за короткий срок сменилось четыре руководителя, первый из которых, и не без основания, посчитал целесообразным исчезнуть из города. Этот делец умудрился израсходовать бюджетные и немалые спонсорские средства, вооружив ловцов всего лишь одним, да и то неисправным, духовым ружьём и десятью упаковками ампул дитилина. Чего греха таить, по весне бывший руководитель обнаружил себя... всплыв в близлежащем водоёме со следами удушения.

Не удивительно, что ни одна бездомная собака так и не была усыплена, несмотря на многочисленные заявки жителей города, которые, иногда, таким образом, сводили счёты с соседями, указывая на домашних животных, как на беспризорных. Со временем коммунальное предприятие «Прометей» жители города стали называть «собачья крыша» к явному удовольствию хозяина города. Его негодование граничило с дикой, необузданной яростью, заставившей трепетать офисных работников.

Знатки оккультизма с лицензиями народных целителей и без разрешительных документов шептались, что причиной создания городскими властями по указанию Штерна предприятия «Прометей» явилось то, что собаки представляют опасность для самого Армиллия, хотя какую и почему обсуждать категорически отказывались.

Экстрасенсы и, тем более, якобы экстрасенсы, работающие в каком-нибудь Международном центре восстановления личности и коррекции судьбы и вешающие китайскую лапшу на уши наивным гражданам, которые её с радостью переваривают, принципиально избегали каких-либо разговоров о Штерне.

Цыганки, уставшие воровать и торговать, сконцентрировавшие свои врождённые способности на гадании и исцелении, дипломатично помалкивали, предпочитая не раздражать сильного... Очень сильного мира сего.

Пропагандисты здорового образа жизни, видевшие панацею от всех болезней в «злоупотреблении» пищевыми добавками с убийственным содержанием кальция и цинка, с измождёнными, наигранно-одухотворёнными лицами бороздившие улицы города, считали, что всё хорошее в жизни происходит благодаря Кальцию и Цинку, а всё плохое объясняется отсутствием того же Кальция и Цинка. Количественные показатели этих жизненно-важных компонентов в организме Штерна оставались загадкой, а потому давать оценку его действиям энтузиасты этих двух элементов таблицы Менделеева всех степеней и достатка не спешили.

Что касалось взаимоотношений Армиллия Борисовича с местной братвой, выросшей из коротких штанишек рэкета, и, как она считала, ставшей уважаемой, то они строились отнюдь не на принципах равенства. Если Румын, его братва и бригады прочих авторитетов безоговорочно считались с мнением Штерна и открыто побаивались его, то Армиллий плевать хотел на блатных, но при этом считал возможным использовать их в своих и только своих интересах.

Кое-кто из условных авторитетов это понимал, злился и на какой-нибудь попойке демонстративно, видимо желая что-то доказать Штерну, бил морду своему «уважаемому» собрату, проявившему, якобы, излишнее рвение, исполняя волю хозяина. Наутро протрезвевший «авторитет» искренне раскаивался и извинялся перед Армиллием.

«Армиллий Борисович, прости, век воли не видать...», – не прокатывало.

Было уже поздно... Штерн, хотя и любил котов, не был Леопольдом с его слащавым: «Ребята, давайте, жить дружно!».

Разумеется, до войны кланов не доходило, так как Армиллий оперативно примерял враждующие стороны: неизвестно куда вдруг исчезал вышедший из-под контроля «авторитет». Но мы-то с вами уже знаем куда – седьмой ров восьмого круга Ада. Туда, куда ни одна «малышка» не доходит. В свою очередь преемник заглаживал вину перед пострадавшим от последней выходки предшественника, и все были счастливы... до поры, до времени или, правильнее сказать, до очередной искры неповиновения, чаще всего вспыхивающей в момент алкогольного или наркотического опьянения.

И всё-таки метод Штерна начал приносить свои плоды. Места непредсказуемых главарей постепенно заполняли недалёковидные, но исполнительные криминальные личности. После очередного «умиротворения» в бандитской среде Армиллий частенько в узком кругу говорил: «Лучше иметь дело с идиотами – профессионалами, чем с профессиональными идиотами»...

О его личной жизни знали только то, что она есть. К тому же она чрезвычайно активна, учитывая количество посетительниц шикарного замка, который назвать загородным домом не поворачивался язык. Армиллий Борисович знал, что молчание стоит дорого и щедро за него платил. А скрывать девицам, видимо, было что. И его пассии молчали обо всём, что с ними происходило, но не столько потому что получали щедрое вознаграждение или боялись того, кто платил... Хотя боялись... Конечно же, панически боялись... Как все.

С любой из девушек, посетивших Штерна, опасались не то что флиртовать, а даже подходить на расстояние пушечного выстрела. Но, видимо, это их нисколько не огорчало. Создавалось впечатление, что им уже никто не нужен, и они с вожделием ждут очередного свидания только с Армиллием.

Но очередной встречи удостоилась только одна из них, а все остальные получали ежемесячное содержание, которое скрашивало их одиночество. Уставшая ждать ласки Штерна была вынуждена покинуть не город, а, разраставшийся как грибница, регион, где правил Армиллий, вне всякого сомнения, уже без пенсионера за разовый секс.

Касательно единственной девушки, удостоившейся чести посетить Штерна во второй и не последний раз, то это была высокая, стройная, с пышными вьющимися волосами красotka. Её мягкий и сочный, как стейк из телятины, голос завораживал, а её кукольные черты лица притягивали взгляд представителей мужского пола с гетеросексуальной ориентацией в диапазоне от подростка до старика.

Девушку с вкусной фамилией Пряник звали Ларисой. После второго свидания она с радостью осталась жить в замке Штерна. К слову, это никоим образом не сказалось на количестве «однодневок». Хотя, нет, на самом деле их стало ещё больше.

Армиллия и Ларису частенько видели вместе. С ней было не стыдно показаться ни на приёмах, ни на других публичных мероприятиях. То, что Штерн ничего такого особенного к ней не испытывает было заметно окружающим. Да Армиллий этого и не скрывал. Лариса была просто визитной картой в его колоде Таро, хотя относился он к ней всё-таки с некоторой... звериной теплотой.

В ней же, напротив, везувилось чувство. Любовь? Ненависть? Как знать, как знать... В любом случае Лариса страдала, а женские страдания – это страшное оружие в руках оскорблённого, растоптанного чувства.

Девушке с детства не везло с мужчинами. Первый горький опыт подарил ей отец. Неудачник по жизни, он «наградил» её такой фамилией, которую с детского сада обыгрывали на все лады, а затем ушёл из семьи, когда Ларисе исполнился годик.

Как её только не называли! Крендель, Коврижка, Жамка, Сусленик... Хотя Пряник и в Африке Пряник. Первый мужчина – насильник наградил её гонореей, а в награду за первую любовь она получила первый аборт. И вот теперь Штерн... который не только причинял ей боль, мучительную боль своим равнодушием, но и любил покаламбурить над фамилией девушки, вызывая горестные воспоминания.

– Учитывая, что Пряник принадлежит мне, для всех остаётся только кнут, – любил в узком кругу повторять затёртую шутку Армиллий...

– Я не десерт, а основное блюдо! – однажды, застав в очередной раз очередную куклу на ночь, с обидой в голосе крикнула Штерну Лариса.

– Не советую прянику становиться чёрствым, – плюнул в душу Армиллий и повторил плевком: – Неужели тебе так понравилась «Тихая гавань»?

Лариса промолчала. Она не забывала ничего. Теперь запомнила и это... Эту пытку. Безумная любовь неизбежно рождает безумные мысли, слова и милье сумасшедшинки. Но если её ранить неразделённостью, она становится заложником мести.

Девушка окончательно съехала с катушек, твёрдо решив расстаться с иллюзией наезженной колеи.

Постепенно любовь к хозяину города, который становился Императором, мутировала в ненависть.

Глава 3. Предложение

(7 карта старшего Аркана Таро – Колесница)

Не во всякой игре тузы выигрывают!

Козьма Прутков

*Да, не во всякой игре тузы выигрывают, но
зато в большинстве.*

Некозьма Прутков

В это утро Фёдор Иванович Булкин проснулся рано под ржавое дребезжание будильника из диссидентской хрущёвской эпохи и битых полчаса пытался затупившимся лезвием сбрить недельную щетину на опухшем, от невероятного количества, выпитого накануне пива, лице. Маленькие, заплывшие пороссячи глазки уставились в мутный осколок зеркала, красовавшегося на облупившейся стене ванной комнаты.

Затем Фёдор Иванович привычным плевком «умыл» осколок зеркала и протёр его рукавом футболки месячной несвежести с нескромной надписью: «Чугун – чемпион!».

– Могло быть и хуже, – не очень оптимистично пробормотал себе под пунцовый нос Булкин, а затем прибавил свою обычную фразу. – Какие проблемы.

А проблемы были и особого оптимизма в положительном их исходе они не вызывали. Дело в том, что Булкина к себе на аудиенцию пригласил сам Армиллий Штерн. Возвратившись уже глубокой ночью домой, Фёдор Иванович обнаружил короткую записку, согласно содержанию которой он должен был явиться в офис Штерна к 8 часам утра для личной беседы.

Ковыряясь в прыщавом носу, Булкин пытался припомнить, какие за ним водились грехи. Грехов не было. Были только грешки, которые не могли заслуживать внимания такого человека как Армиллий Штерн. Да и что могло значить для хозяина города вчерашнее распитие пива в парке, потасовка с пьяным в стельку соседом на позапрошлой неделе и паника третьего дня из-за дыма, причиной которого стали сосиски, принесённые в жертву на газовой плите засаленной кухни.

Это слегка приободрило Булкина, хотя похмельный синдром быстро заглушил росток оптимизма. Нестерпимо хотелось выпить, но слово нельзя калёным железом горело на сером веществе, помещавшемся в неизбалованном извилинами головном мозгу Фёдора Ивановича. Как назло, рассол, – напиток завтрашнего дня, – был осушен ещё вчера.

Перепробовавший десятки профессий, среди которых были и руководящие, Булкин стал профессиональным участником попок, доставая всех декламацией песен из репертуара Владимира Высоцкого. При этом глаза его начинали слезиться, а сам он становился красным как рак, закипая то ли от натуги, то ли от удовольствия.

На что он жил, оставалось загадкой даже для него самого. И Булкин, не слишком утруждавший себя размышлениями на какой бы то ни было счёт, жил себе, получая максимум удовольствия на то количество денежных знаков, которые ему удавалось заработать от случая к случаю.

Натягивая дурно пахнущие носки, Фёдор Иванович невнятно продумывал свою линию поведения во время разговора с господином Штерном. Пытаясь заглушить стойкий запах, Булкин побрызгал короткие мужские чулки дешёвым одеколоном, получив при этом поистине незабываемый для неискушенного обоняния аромат.

Натянув на немного косолапые ноги единственные, а потому парадно-выходные, брюки, пятна и потёртости на которых были ещё не слишком заметны, Булкин наклонился. Это была героическая попытка завязать шнурки на неприлично поношенных, но достаточно, по мнению Фёдора Ивановича, начищенных туфлях. И тут случилось нечто невообразимое. Брюки разошлись по шву, от ширинки до пояса, и сквозь них проступило облако семейных трусов грязно-жёлтого цвета.

Отчаяние охватило бедного Булкина. Немногочисленные извилины лихорадочно заработали: «Ниток – нет, иглы – нет, времени – тоже».

Фёдор Иванович бороздил помутившимся взглядом холостяцкий беспорядок комнаты. И вдруг поросячье-рыбьи глазки остановились на медвежонке – мягкой игрушке, валявшейся в углу комнаты. О, чудо! Правая лапа игрушки из булкинского детства была кое-как прикреплена к туловищу поржавевшей от времени спасительной булавкой. Всё остальное было делом техники.

Набив карманы лоснящимися от жира и пахнувшими ржавой рыбой мелкими купюрами, Фёдор Иванович направился к лифту. Лифт назло не работал, а время визита неуклонно приближалось. Не без труда, вспоминая весь не литературный, но собственно русский, язык, Булкин начал своё нисхождение, передвигаясь походкой гейши и обливаясь потом.

Фёдор Иванович буквально вывалился из подъезда. Лысина размером с Тихий океан на глобусе черепа почти правильной формы, обрамлённого висками Северного Ледовитого и Антарктиды, блестела от пота. Хотя причёска Колобка Булкину пошла бы больше, он с непонятным трепетом относился к жидкой поросли на висках.

Почти новая и почти чистая рубашка прилипла к его могучему животу и такой же спине. Задыхаясь от невероятной физической нагрузки, Фёдор Иванович направился к остановке. Благо, что она находилась рядом. Но времени добраться в урочный час на общественном транспорте уже не было. Трясущейся рукой Булкин пересчитал деньги и облегчённо вздохнул, когда удостоверился, что их хватит, чтобы воспользоваться такси.

Фёдор Иванович выкатился на дорогу и жестом руки, подкрепляемым неподражимо-жалкой мимикой, остановил потрёпанного вида такси с изображением на капоте профиля Сталина с крылатой фразой из репертуара Иосифа Виссарионовича под ним: «Техника решает всё».

– Офис Штерна! – открыв дверцу и втискивая своё дородное тело в автомобиль, выдохнул Булкин, моментально заставив стёкла запотеть.

Таксист с характерными носом и кепкой пренебрежительно, как вошь на лысину, посмотрел на пассажира и поморщил орган... обоняния.

– Господина Штерна, – уже робко повторил Булкин, понимая, что вызвало такую реакцию у водителя такси.

Из смотрового стекла на обладателя блестящей лысины уставилось перекошено-одутловато-пунцовое, заливающееся обильным потом, лицо сорокадвухлетнего мужчины, немногочисленные жиденькие волосики которого торчали в разные стороны света.

– Угу, дарагой, – неприветливо принял заказ таксист с типично-кавказским акцентом.

Некоторое время он проработал водителем одного из московских авторитетов, но вскоре вынужден был бежать из столицы, бросив всё. Причиной стала проклятая любовь. Теперь трудно было поверить в то, что потрёпанного вида кавказец когда-то соблазнил и обрюхатил дочь хозяина, но остался жив лишь потому, что вся его родня собрала такую сумму отступных, что сама мысль о мести по меньшей мере была неприличной. Но взамен родовое дерево безжалостно отшвырнуло яблоко раздора, и оно по воле Его Величества Случая оказалось в Каинске...

Дорога заняла минут десять, и всё это время Фёдор Иванович сидел словно вкопанный, опасаясь того, что булавка расстегнётся и ему придётся устранять проблему возле офиса Штерна.

Другие мысли упрямо не лезли в его голову. Ах, простите, вторая мысль была опохмелиться. Вот только за какие шиши?!

Что касается водителя, то у него, действительно, была единственная мысль, и она сводилась к тому, чтобы поскорее высадить дурно-пахнущего пассажира. Видимо, не столько перегар, сколько носки источали свой неповторимо-неистребимый аромат, уверенно пересиливающий парфюмерную дешёвку.

Машина подъехала к красивому, отдельно стоящему в глубине роскошного сада, зданию с красной еврочерепицей. Трясущейся рукой Булкин достал из кармана жирные, пахнущие воблой, мелкие купюры и рассчитался с таксистом. Водитель брезгливо, двумя пальцами взял деньги.

– Давай, до свиданья, – презрительно, уже без «дарагой», швырнул в Булкина таксист, мысленно посылая клиента к лукавому.

– Спасибо, – благодарно пролепетал Фёдор Иванович, не замечая пренебрежительного тона таксиста, намереваясь вовремя попасть туда, куда послали.

– Это тэбэ, брат, спасыба. К тваым дэнгам нэ хватаэт толка пыва, – продемонстрировал образчик кавказского юмора таксист и резко рванул с места, исчезнув за поворотом, словно его корова языком слизала.

Неестественно покачиваясь из стороны в сторону, Булкин мелкорубленными шажками поплёлся к сторожке охранника.

В этот момент к нему подошёл Фрол с открытой тетрадкой.

– Всё что делает прохвост всё это коту под хвост, – прозвучал не слишком оптимистичный прогноз встречи.

– Какие проблемы, – не нашёлся что ответить по существу поникший Булкин и продолжил свой путь.

– Вы к кому? – не слишком приветливо задал вопрос молодой человек в чёрной униформе, отложив в сторону новеллу Франца Кафки «Превращение», почему-то подумав, что именно так должен был выглядеть Грегор, пока не стал насекомым.

Охранника звали Ваня. Он был родом из близлежащей деревни Глоткино. В тон её названию по будням в деревне все мужики пили и пели в одну глотку, а по праздникам в две. В это же время в пяти километрах от Глоткино лошадиными дозами уничтожали лечебный самогон, настоящий на степном, лекарственном разнотравье, жители деревни Мошонкино. Дальше, по традиции, на опушке Берендеевской дубравы стенка глоткинцев наваливалась на стенку мошонкинцев. Мужики, сойдясь в рукопашную, били друг друга и по глоткам, чай не карузы, и по мошонкам, всё ж таки не Фаберже, но, в основном, по чём попало.

Затем, от того, кому удавалось вернуться домой на ногах, следовала взбучка жене, трёпка детям и богатырский храп под всхлипы и стоны домочадцев. Идиллия! Ваня сбежал от этого вечного праздника в город и случайно, по крайней мере так он считал, познакомился с парнем, который устроил его на работу, помог снять квартиру, а теперь хочет, чтобы они жили вместе...

– К господину Штерну, – робко пробубнил Булкин и затем еле слышно добавил: – Мне назначена аудиенция на 8 часов утра.

Несмотря на то, что слово «аудиенция» явно не вязалось с не слишком... нет, не так... со слишком не респектабельным видом посетителя, охранник, узнав его фамилию, имя и отчество, набрал номер телефона секретаря.

Шурочка – личный секретарь Армилия Штерна как обычно не выпалась и как обычно была не в духе. Звонок охранника застал её за утренним туалетом и вызвал естественное раздражение немолодой, но симпатичной женщины, озлобленной на всё и на вся. Она злилась

на красавца мужа, в некотором смысле приятеля Штерна, менявшего любовниц как «перчатки». При этом «перчатки» открыто бросали ей вызов, не скрывая своего романа с её ветреным супругом, который плевать хотел на сцены ревности жены. Уходить от него она боялась, так как ничего в жизни не умела делать, кроме как «трещать» по телефону, наводить макияж и орать на своих двоих, симпатичных, но до крайности эгоистичных, детей, что вполне естественно в семье, в которой родители заняты исключительно собой.

Воспитанием детей пыталась заниматься дальняя, хромяя и горбатая, родственница Шурочки из Мошонкино, напоминая Бабу Ягу в молодости, но безуспешно. Внешность женщины устраивала ревнивого секретаря Штерна, но, до почёсывания темени и затылка, раздражала мужа. Несмотря на солидное вознаграждение, няня ничего не могла противопоставить тотальным запретам и истерии со стороны матери, но в большей степени вседозволенности с бесчисленными подарками со стороны отца.

Ничего удивительного, что детки становились моральными уродами. Не так чтобы очень быстро, но зато уверенно. Старые, наивные сказки «Бабы Яги» о Бабе Яге и иже с ней не слишком сдерживали процесс нравственной деградации подрастающего поколения. Пройдёт немного времени и ничего невероятного не будет в том, что такие детки бросят вызов обществу, научившись презирать его ячейку – семью. Тем самым юные монстры станут лёгкой добычей «вампирёныша», который по указанию Армилия Борисовича возглавил многочисленных неформалов в пределах границ неуклонно растущей империи Штерна.

Секретарша злилась на популяцию окружающих её мужчин, потому что они начинали избегать даже мимолётного общения с ней, столкнувшись с тяжеловесным, грузилоподобным характером.

Шурочка более чем искренне ненавидела всех красоток, ибо, как ей казалось, все они без зазрения совести демонстрировали перед увядающей женщиной своё внешнее превосходство в физиономическом и ФИГУРАЛЬНОМ смысле.

Но это был далеко не полный перечень шурочкиных раздражителей. Сегодня появился новый, в виде десятка шаровидных поздних угрей, жирно замаскированных тональным кремом...

Фёдору Ивановичу было не слышно с кем разговаривает охранник и что ему отвечают, но потому как скулы парня заходили ходуном Булкин предположил, что может попасть под горячую руку. Охранник с безопознавательной внешностью с силой положил телефонную трубку, прошептав традиционное матерное выражение. Скукожившись, Фёдор Иванович приготовился выслушать нелестные замечания в свой адрес в стиле своих многочисленных собутельников. Только в этом случае он не мог ответить грубостью на грубость. Ведь сторож Штерна – это почти секьюрити, а секьюрити Штерна – это очень и очень...

Однако, охранник, сдерживая эмоции, надломленным голосом прохрипел: «Вас ждут». Затем жестом предложил пройти через проходную, а сам углубился в собственные мысли. Нет, он думал не о разговоре с Шурочкой. К её перепадам настроения он привык... Почти привык. Итак, его размышления касались иного предмета.

Ваня и представить себе не мог, что у него могут быть с кем-то однополюсные отношения. Но как быть с чувством благодарности? Ведь его приятель так много сделал для него, Вани, который пропал бы в этом страшном городе! Да и не убудет с него, если что... Гришка вон с козой баловал и ничего... Отец его только и сделал, что выдрал как сидорову козу. А так ничего, зализал Гришка раны, школу окончил, отслужил в армии, теперь в деревне работает трактористом, женат, недавно родилась дочка. Про козу в деревне уже никто и не вспоминает... Разве что по праздникам. А тут не коза, а... Логично было бы закончить фразу словом «козёл», но Ваня, из чувства благодарности, искал не повод отказаться от ухаживаний, а возможность настроиться на предстоящую встречу. К тому же посева настойчиво-аккуратных обхаживаний яркого представителя нетрадиционной ориентации давали свои всходы, хотя где-то на уровне

затуманенного подсознания молодой человек понимал, что это ещё не повод... Он чувствовал, что ему кто-то неумолимо внушает мысль уступить натиску благодетеля. Но кто управляет его неокрепшим, но всё-таки сознанием?..

Услышав из уст охранника обнадёживающую фразу, Булкин слегка приободрился и зашаркал во двор офиса, напоминая гусеницу, у которой отпало несколько ножек, не считая ложноножек.

Там его уже нетерпеливо, в позе недовольной женщины, поджидал молодой человек в малиновых штанах в неимоверную обтяжку. Его припудренное лицо заспанной гейши излучало явно неклассические флюиды интимного характера. Розовый пуловер облегал стройную, но не избалованную тяжёлыми физическими упражнениями фигуру.

– Следуйте за мной, – разочаровано-жеманно проворковало дитя порока, не видя накрашенными карандашом глазами ничего заслуживающего внимания в неказистом и к тому же дурно пахнущем мужлане.

Флюиды мгновенно погасли, но модный парфюм продолжал источать завораживающий аромат. Молодого человека звали Николаем, но сам он предпочитал, чтобы его называли Николь. Для тех же с кем он был близок, Николь становился просто Ники.

Булкин вошёл в довольно просторный малый зал заседаний, в середине которого разместился большой, вытянутый как сосиска и такого же цвета стол, заставленный двумя десятками стульев. Со стен на Фёдора Ивановича глядели улыбчивые жирные женщины и не менее упитанные мужчины. Они разместились на трёх полотнах модного скандинавского художника.

– Ждите, – заявил гламурный провожатый перед тем как закрыть за собой дверь.

Булкин аккуратно разместился на стуле напротив одной из картин, изображавшей колобообразных мужчину и женщину в ванной. Их пухленькие ручки с растопыренными пальчиками-сардельками тянулись друг к другу, обещая незабываемый интим. На красивых часах в резной деревянной оправе с горельефами упитанных ангелочков мелодично пробило 8 часов.

С последним ударом часов в зал величаво вошёл сам Армилий Штерн. Фёдор Иванович никогда его не видел, но не сомневался, что это именно он. Просто Булкин не встречал более властного человека с испепеляющим взглядом. Вынужденный визитёр резко подскочил со стула и тут же пожалел об этом.

– Доброе утро, – промямлил он, направляясь семенящей походкой к Армилию, на ходу вытягивая вперёд дрожащую от похмелья и волнения руку.

Тот брезгливо резким движением предложил Булкину вернуться на своё место и наморщил нос.

– Это Вы так решили или точно знаете? – в ответ на приветствие холодно отчеканил каждое слово Штерн.

– Нет, я не... не решил, не... не знаю, – заикаясь, начал оправдываться Фёдор Иванович, пятясь назад.

Плюхнувшись на стул, посетитель, как нашкодивший пёс, посмотрел на Армилия. Штерн скривился и сел во главе стола, внимательно рассматривая приглашённого. Булкину показалось, что взгляд хозяина города выдавливает каждый прыщик на его лице. Фёдор Иванович даже передёрнулся от боли. Ироничная улыбка блеснула и тут же погасла на червякообразных губах Штерна.

– Итак, перейдём сразу к делу. Мне Вы представляетесь человеком ответственным, принципиальным и целеустремлённым. У Вас будет всё: деньги, положение... – монотонно, с нескрываемым сарказмом проговорил Армилий, сделав паузу. Затем продолжил: – ... Дорогие спиртные напитки и такие же женщины. Но за эти маленькие удовольствия Вы должны быть бесконечно мне преданы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.